

СИНДРОМ МЕДЕИ

ПРОЛОГ

Темнота. Звук падения чего-то тяжелого. Потом еще один звук.

Крики, плач:

Эй? Чего это было?

Господи!

Скорую, вызывайте скорую! Этот вон дышит, вроде.

Ааааа!

Але, скорая помощь, тут у нас ... на улице. Да не знаю я адреса...
Рядом бар «У Фредди» ... Але, але! Бросила трубку, коза...

Господи, упокой светлые их души...

Кто это сделал?! Где эта падла?!

Але, скорая? Я мигом, счас гляну адрес... Только не бросайте трубку.
Я мигом. Я уже, уже. Вот: улица...

В милицию звонили?

Звонили, звонили.

Со святыми упокой...

Да закрой хайло со своими святыми! Этот дышит еще... вроде.

Где эта падла? Выпотрошу, на хрен!

Скорую!

Да вызвали уже. Только не дышит он ни фига.

А второй?

Ты шею его видела?

А, может, они это... сами?

Ты чего? Они ж мелкие совсем.

Ааааааа!

Заткнись, поняла?! Иначе я, блин, за себя, не ручаюсь ...

Тише, тише. Давай отойдем, Ален, давай вот сюда ...

Стасик, как же это? Стасичек! Ааааа!

Едут?

Вроде.

Со святыми упокой...

Милицейская сирена. Сбоку, огнями мигалки освещается сцена.

Становится видна группа людей, стоящих в кружок, заслоняющих нечто от взгляда зрителей. Задник: дом, в котором одно за другим зажигаются окна. В одном из окон – на фоне света черная женская фигура, извивается, как в танце.

Голоса:

Господи, спаси, Господи, помилуй!

Баба!

Не может быть. Не может быть...

Даже звери своих детей...

Сука, тварь, разорву! Башку вот об этот самый асфальт размажу! Кто со мной?

Стой, мужик. Держи себя. Приедет кто надо – разберется.

Извините. Мне на поезд.

Даже звери своих детей...

Такие маленькие... Аааа!

Алена, успокойся. Посмотри на меня, Алена! Вот я, вот ты. Все будет хорошо.

Хорошо? Да как ты можешь? Хорошо...

(Детский голос). Мама, мама! Это же тетя Марина!

Тише, сынок ... Пошли домой.

А мне на поезд...

Мама, но это же... ихнее окно. А чего это она делает? Тетя Марина!

Домой, я сказала.

Окно открывается. Женщина встает во весь рост, раскидывает руки. За ней еще одна фигура. Борьба. Женщину втягивают внутрь, окно закрывается. Два милиционера и врач в робе входят в кружок. Выносят носилки, покрытые тканью целиком.

Милиционер. Не расходиться, граждане свидетели.

Голос. А если мне на поезд?

Детский голос. Ма, я тоже свидетель? А чего они такое понесли?

Мужской крик. Маринка!

Девушка в хитоне огибает круг, пританцовывая, напевает:

Девушка.

Помню, в детской колыбели
я лежала, бабки пели.

Пели песенку про Ино.

Погубила Ино сына.

Но потом сошла с ума,
в море бросилась сама.

Море билось, море выло.

Пятна крови с Ино смыло.

Сыну с матерью приют,
волны моря в берег бьют.

И привычный моря шум
успокаивает ум,

подражая колыбельной.

Ужас, ужас ты предельный!

Ты у женщины в крови,

ужас, ужас - плод любви

Уходит

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене соседка. Милиционер – прямо напротив нее в зале, в первом ряду, ведет протокол. Сзади на сцене люди – отдельно и группки – занимаются своими делами. Это хор в пеплосах, хамисах, хитонах, тогах. Возможно, в определенные моменты их одежда превратятся в смирительные рубашки.

Соседка. Гражданский долг? Ну ладно, раз гражданский. Только побыстрому. Убираться мне еще, и в магазин, и за внуком, Степка, ихний младший в тую ж группу ходит ... ходил... Да, беда, беда.. Слушайте. Ну нашто я вам? Просто запишите: не в курсе гражданка. Я распишуся. Чего? Близкие? Это с какого боку – близкие? Чего? Ну да, соседи. Так у нас слышимости никакой. Хотите, стукну вот оттудова – вы отсюда и не услышите. Стены у нас хорошие. Изоляция. По чешскому проекту. Пускай они там хоть кожный день друг дружку убивали – нам оттудова ни гугу... Да и какие счас соседи, вот раньше, это да: соль там, спички, луковку.... А коли подъезде сто квартир, откуда всех назнаешься? И натура у меня не та, чтобы в чужое лезть. Есть которые любят. А я считаю: интересно тебе, на во, телевизор. Шоу реалиты. А у меня своих реалитов полон рот.

Ну что вы, сидитя-пишетя! Я ж говорю: не знаю ничегошеньки. Что? Ну, Яна, да, знаю. Я его таким во знала. Да вы бы его расспросили. Уже? И что? ПОНяла-пОНяла. Тайна следствия. Сериал был, помнитя? С главной артисткой, она еще в «Мастере с Маргаритой» играла. Видная, чернявая. Нерусская, как Маринка. Чего? Гражданка Эрбэ? Так у нас счас и жук, и жаба – все граждАне, чурки бегают желтые, тоже, небось, граждАне... А я знаю? Туркмены или китайцы, все на одно лицо. Так и Маринка по мужу гражданка, а детки беленькие, в Яна, господиспаси. И звать ее не Маринкой, у ее имя нерусское. Он ее оттудова привез. Много тогда наших туда моталось, за длинным-то рублем. БизнесА. Лихие девяностые, слыхал?

Подходят другие соседки, все пожилые. Садятся на скамейку сбоку. С другой стороны – более молодая компания на компьютерных стульях, все стучат по клавишам. Это френды Марины.

Хор соседок и френдов (поет речитативом).

Колхида лежит от нас за тремя морями -
земля со своими горами, героями, дикарями,
вепрями, упырями, диковинными зверями

и с Золотым Руном. Но, глаз не смыкая даже
ночью, возле него там стоят, как стражи,
чудовищные драконы, чтоб избежать покражи.

И пятьдесят гребцов только с одним резонансом,
чтоб завладеть Руном, с песнями и трезвоном
пустились на корабле за горизонт с Язоном.

Соседка. А у ее папаша был богааатый. Ян на ней возьми и женись...
Вот про чего не знаю – про то не скажу. Может, и по расчету, а может,
любовь-морковь меж ними была, а я в этом не понимаю, я свою морковь уж
отжила. Лежит в колумбарии, 36 сектор. А где их схоронят, не знаешь,
товарищ милиционер?

Соседки и френды (*наперебой*).

Соседки.

А чего он от тебя хотел?

А чего ты ему сказала?

А чего он сказал?

Френды.

Люди, я в шоке.

Сука.

Марина... Марина!

Соседка. В тюрьме-то ее научат здрасьте говорить. А то в лифт зайдет,
зыркнет, кивнет, все молчком. Черная, браслетами гремит. Как зверь лесной.
Слышь, а может, ее вообще, того? По высшей...

Френды.

Не, это вряд ли, у нас бабам высшей не дают.

Ребята, вы чего, это ж Маринка.

И что? Закон на всех один. Мужик, баба.

Лайк.

Эй, народ, мне вот что интересно: с ней вообще кто-то встречался в
реале?

Ну, я разок. На семинаре по психотехникам.

И как она тебе?

Не знаю даже. Такая, на своей волне. Молчит походу, слушает. Будто
так, на огонек зашла.

Я только в виртуале. У меня было тогда... проблемы. Я туда-сюда,
один врачила, другой, третий, диагнозами обвешали, а толку ноль. А она
сбор мне написала, простенький такой. Я и не надеялся, просто, знаете, за
соломинку, а оно помогло, реально помогло! Хотя вообще это жесть.

Да я б этот сбор в компост.

Лайк.

Лайк.

Я ее видел.

И как?

Я б с такой замутил. В глазах огонь, а сама ледышка.

Чего ж не замутил?

Старовата.

Ты чё! Ей же тридцать четыре, а тебе добрых пятьдесят?

А ну-ка попрошу без этих... Сорок шесть мне, а что? Ну, пиши: педофил.

Она мне краску для волос присоветовала. Природную. Травки копеечные и держится месяц.. На «Веллу», что ли, перейти? Там оттенок не тот... за две недели слезает... Перейду-ка на «Веллу».

Лет через двадцать выйдет тварь. Мужiku точно б вышку.

Я б ваще своими руками...

Ребята! Вы чего? Это ж Маринка! Вы же все ей плакались, совета просили, будто она, не знаю, страна Советов. Кому она отказала? А ведь у нее тренинги были платные, по скайпу. Кто на них записывался? Ну, кто? Все нашару норовили... А когда она попросила, помните? Единственный разочек...

Можно подумать, ты тогда разбежалась...

Я не могла.

Все не могли.

Не понял. Я что, был должен? Запомни. Никто никому не должен. Все сами крутятся. Между прочим, меня ее тупые советы вообще бесили.

Соседки. Это потому что Бога забыли.

Ада Львовна, она ж до вас ходила?

Она у меня книжки брала. Говорила: дома книжек нет, кроме этой, куда из интернета... как это...качают. А она не любила. Любила, как бумага старая пахнет. А как возвращать – всегда пирожок приносила. Под узорной салфеточкой. У них так принято. Дома, на родине. Осталась у меня и тарелочка, и салфеточка осталась. Бедная девочка.

Ада Львовна, извиняюсь, конечно, вы сдурели?

Френды. А вот мне она реально помогла. Разрулила, будто руками поводила. Порчу сняла. Ахаха...

Френды, кто знает, там у них передачи принимают?

Этой суке? Шоколад с какавом? У тебя тоже крыша в полете? Кстати, а сколько у тебя детей? Тоже двое?

Заткнись.

А что? За руки-за ноги – и с седьмого этажа... Плевое дело.

Ты... Как у тебя язык повернулся? Грязный поганый язык!

Ну, знаешь, это, и правда, перебор.

А что такого? Я, может, просто прикалываюсь. Помню, в школе всегда выигрывал пари, кто девчонку первым до слез доведет.

Мудак, дебил, козлина!

А ты сука... Как твоя Маринка. Все вы суки.

Из дому выходят Мать и Отец Яна, сам Ян, за ними два мужчины в хитонах несут два гробика. Соседки вынимают красные гвоздики. Идут за ними. Шествуют через зал, люди из зала присоединяются (сперва подсадки, пытаются увлечь тех, кто сидит рядом). За сценой крик Матери Яна. Возвращаются через другую дверь, уже без гробиков, идут к сцене. Все, кроме Яна, поднимаются. Садятся за стол. Пьют, едят. Тихо говорят о чем-то.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ян останавливается перед сценой, садится на стул в зале. Он нетрезв. Напротив, в первом ряду, молоденькая журналистка.

Журналистка. Извините, конечно... Наша редакция приносит глубокие соболезнования... Мы понимаем, у вас трудный период...

Ян. Чего приперлась, раз понимаешь?

Журналистка. Мне только маленький комментарий.

Ян. Комментарий?

Журналистка. Ну, во-первых, как вы узнали?

Ян. Из милиции позвонили. Все?

Журналистка. Вы сразу поверили или решили, что это ошибка?

Ян (*обращаясь к любому зрителю, возможно, заставив его подняться с места, взяв за грудки*). Слыхал? А ты бы поверил? Нет? То-то же. Я, может, и сейчас не верю. Даже когда мы их сожгли! Пеплом унесли в небо, божьи коровки. К солнышку, к Гелиосу, так его растак! Тебя как звать?

Зритель отвечает.

Будем знакомы (*называет зрителя по имени*). А меня Ян. А сын у тебя есть? (*если зритель говорит, что нет, обращается к другому*). Как его звать? Сына? Вот! И моего старшего тоже (*далее по всей пьесе фигурирует имя, названное зрителем, например, Максим*). Тоже Максим, Максюша! Ты не боишься, а? Что пока ты вот здесь, твоя благоверная... Ладно, не сцы. Аж позеленел. Я ж вот не зеленею. Это потому что терять нечего! А у тебя все будет в ажуре. (*Буквально бросает зрителя на сиденье, журналистке*). Не поверил. Не знаю. Поверил.

Журналистка. Значит, у вас было предчувствие?

Ян. Что еще за предчувствие?

Журналистка. ... что она способна... Совершить...

Ян. Что именно?

Журналистка. Ну, это.

Ян. Вот. Назвать боишься, а ко мне лезешь. Что она совершила? Давай словами называй.

Журналистка (*испуганно озираясь*). Убить.

Ян. Полным ответом! Как в школе!

Журналистка (*скороговоркой, испуганно*). Было ли у вас предчувствие, что ваша жена способна совершить... что ваша жена может убить ваших детей?

Ян. Молодец. Хвалю ... И кто послал тебя, дуреха, такое спрашивать? Или самой в мозг стукнуло?

Журналистка. Что вы! Я не хотела. Это все редактор.

Ян поднимается на просцениум. Ходит.

Ян. Не было у меня предчувствия. Маринка – чокнутая мамаша, по уши в в детях. Чокнутая... *(К залу)*. Вы ее знали? Ну!

Девушка в зале. Я.

Ян. Встань, а то тебя не видно. Слетелось тут всякой *(обводит зал рукой)* саранчи. С какой планеты вы все, а? На криминал потянуло? Криминал все любят. Я сам читал, как тот машину протаранил, помните? Откуда только вы узнали, где да что, да кто? Там же не было имен!

Девушка. Из Фэйсбука. Марина написала, что детям уже хорошо, а ей сейчас будет хорошо. Я лайкнула. Ну, так положено. А назавтра заметка. Думаю, вот ведь ужас!

Хор. Ужас, ужас ты предельный!

Ты у женщины в крови...

Девушка. Ну вот. А после вспомнила, что Марина в том районе живет. Она писала недавно, что в школе опять поборы на ремонт, а у нее денег нету. Я отвечаю: ты что, это дерьмо школа, я знаю, сама там училась, переводила сына в другую... А она: да, школа так себе, но рядом, через двор, а чему надо – она детей сама научит. А тут это... Я ее спрашиваю: Марин, что там у вас за жуть, на районе? А она молчит.

Ян *(растерянно)*. Чего ж она мне не сказала? Про деньги...

Девушка. Я не знаю. Честно. Она о вас не говорила. Мы же просто френды. Можно мне сесть?

Ян. Что, никогда не говорила?

Девушка. Я не помню. Я реально недавно там. Вы у других спросите. Группа “Семейное счастье”. Можно мне сесть?

Ян. Семейное счастье. Се-мей-ное счастье *(К нескольким зрителям)*. Вот вы в какие группы ходите? Ты, ты, ты *(Ждет ответа, побуждает высказаться, реагирует)*. Ну так это ж нормально, а тут просто писец... Семейное счастье. Нам там всем косточки перемывают, мужики...

Провоцирует зал.

Мой – козел. А мой мудака. А мой гуляет. А мой – тюфтя. А мой пьет. А мой бьет. Ты – козел? Ты мудака? А твой – не пьет? Не гуляет? Ты уверена? Вон и Маринка была уверена.

Женщина из зала. Вы что? Она не писала: козел, мудака. И нас поправляла. Она не такая.

Ян. А какая?

Женщина. Ну, я не знаю... Заботливая. На все у нее были лайфхаки. И по натуральной косметике, и по здоровью Рецептами делилась. По личным проблемам консультировала. Как детей воспитывать. Не бить. Не кричать. Хвалить ... Она у нас в группе лучшая мать. Была.

Мужчина из зала. Ага, мать года. Похвалила! Сперва одного, потом...

Ян. Пасть закрой! Она... да, хвалила. Их, меня. “Ты сможешь, я знаю, я тебе помогу”... Там такие дела крутились... Ну, 90-е, всякое такое, и люди у них другие, все либо родня, либо кровники. А тут здрасьте – вот он я, никто, ниоткуда и звать никак... Но наглый был, это да... Не знал, на что иду.

За морем - всё другое: и языки, и нравы.

Там не боятся дурной и доброй не ищут славы,
мысли людей корявы, и нет на сердца управы.

Они меня бы в асфальт бы закатали, если б не Маринка – легко ...
Маринка! Слышишь, тварь! Я все помню!

Выходит на сцену, приосанившись, веселый, молодой, будто сбросил двадцать лет. К нему выбегает девушка в хитоне, берутся за руки, кружат, все быстрее и быстрее. Их окружает хор из соседок и френдов, на всех античные маски, медленно двигается как на котурнах (античный танец, тихая музыка).

Хор (*соседки и френды, на разные голоса, речитатив*).

Так он стоял и смотрел, заткнувши за пояс свой посох,
Гроздь винограда на ручке, колосья пшеницы,
Словно бы курос оживший, таких не видали в Колхиде.
Будто сейчас, в этот миг, он не к смерти стремился, а к пиру...
Будто бы знал... Он и знал, ведь сама же ему нашептала
В роще Гекаты, акация там распускается медом горчайшим,
Да, забияке, чужому... спасется, уедет, забудет...
Все нашептала, предав и семью, и отчизну, и веру...
Больше вовеки не быть ей царевной в Колхиде,
Только бы жил.. пусть ворует богатое счастье
Брата, отца, и людей, и божеств, осеняющих город –
Век помогающих смертным от мора, чумы и от глада,
Только бы жил он – Чужак, забияка, насмешник ...
Женится там на другой. Ну а я – прокаженною тварью
Тут проживу. Иль убьют, Без него все равно неживая,
Грязь под ногтями Вселенной, божеств и природы...

Выбегает ребенок. Девушка в хитоне берет его на руки, качает.

Ребенок. Ма, расскажи сказку.

Девушка в хитоне. Какую, сыночка?

Ребенок. Как папочка победил дедулю.

Девушка в хитоне. Ну сколько можно? Я ж вчера рассказывала. Ты ее наизусть знаешь. Вот сам и рассказывай.

Ребенок. Ладно. Я Степке расскажу.

Девушка в хитоне. Только имей в виду: через пять минут чтоб оба в постели. И ты, и Степка, понял? (*Ребенок убегает, девушка кричит вслед*).
Зубы! Зубы почистите! Я проверю!

Свет притушен, как от ночника. Хор выстраивается в шеренгу. На первом плане – Ян-Ясон. Поверх одежды – хламис. В руке стопарик.

Ян-Ясон. Она сказала: подпусти его поближе – и посохом по рогам. Будто о плевом деле – на раз-два-взяли. Ага ... стою у пещеры, чуть не обдристался со страху. Черная, жуткая, трупом воняет, и так тошно – а тут еще вылетают из нее два бычины – и прут на тебя. Из ноздрей – пламя. И воют. Реально воют. Слыхал, как бешеные быки воют? Нет? Считай, повезло. А она, хоть и не видать ее, они ее уже заперли, мне тихонько, щекотненько так, на ухо: “Посох”. Ну, я тем посохом – шух по рогам, они – раз – и скукожились, и в плуг впряглись. И я такой пашу на них, хоть отроду не пахал, и легко мне, словно сами они пахнут, а я просто так себе, погулять вышел. А драконьи зубы кидать – это уж, и правда, плевое дело было. Раскидал я их, с понтом землю ими засеял, сижу на пригорке, жду. А эти все, что поглазеть, орут: “Задайте ему!”. Ну прям футбольные фаны (*смеется*). Гляжу: пошло в рост на той самой борозде. Сперва наконечники – под солнцем сверкают, на третьем десятке я считать сбился. Потом целиком копыя повылезали. После шлемы пошли – тоже сверкают, а за ними лица – и лица, блин, тоже сверк-сверк, потому что медные, и все это из-под земли валит... На меня! А она мне шепотком скользким: “Пора!”. Тут я вынимаю камень (*вынимает из-под хламиса воображаемый камень*) и КИДАЮ!

Кидает воображаемый камень в хор, шеренга разбивается на две, начинают механическими движениями друг друга бить, убивать копыями. Стук, паденье чего-то тяжелого. Раз, два, три, четыре... Все лежат.

Главное кинуть куда надо. Вот возьму, в вас кину – побьетесь же на... Да вы и так бьетесь, грызетесь! Они ж – отовсюду летят, камни: а вы отгавкались, и дальше пошли колотить-молотить... Сидите тут. Мирные, нарядные, билеты купили, в театр пришли, поглазеть, как чужих детей убивают... Интересно вам? А я вас настоящим, тем самым! Я в Колхиде еще подсобрал. Сувениры, блин, на память!

Заносит руку, намереваясь кинуть камень в зал. Подбегает мать.

Мать Ясона. Ясенька, не надо! Люди ж смотрят! (*Залу*). Люди добрые! Он не со зла, просто выпивши, да как не выпить, беда ж какая... Степочка, Максимка... Ой, не могу ...

Ясон. Да не психуй, ма, нет у меня камня... Нету.

Ясон садится на корточки, голова опущена. Мать обнимает его. Хор лежит.

Яська, сына, я ж говорила: нашто она тебе сдалась, тебе вообще всегда блондинки нравились, вот как Галочка...

Ян-Ясон. Ма, ты впонимаешь: не она бы – вам бы даже могилки моей не осталось. Вы бы просто не знали, есть я, или нет меня...

Мать. Так ты ж за это с ней сколько прожил. Хорошего понемножку... Ты ж по-честному, и деньги ей предлагал: только б ушла, с глаз долой, уехала б к себе, там они, может, все такие... Отец у нее живой еще. Простил бы – человек, не зверь. Ты по-честному, а она ...

Ян. Мама, ты в уме? Я же бизнес у него отжал. А она мне помогла!

Мать. Сердцу не прикажешь.

Ян. И брат ее, Апсирт, после этого на иглу сел... взял и вышел на трассу... Может, под кайфом... Может, дальнобой его, и правда, не увидел, а я думаю, он сам решил... Ему же Руно должно было отойти! Его наследство...

Мать. А все она... Против своей же сЕмьи пошла.

Ян. Она меня спасала.

Мать. Сынок, она твоих деточек порешила!

Ян. Это я всех порешил. Камешком.

Хор (*лежа, поет*).

С драгоценной добычей узкой тропой лесною
бегут на корабль аргонавты с Медеей - теперь женою
Язона, и рёв погони растёт у них за спиною.

И чтоб отвлечь колхидян, Медея клинком булата
на бегу закалывает и расчленяет брата,
бросая куски погоне. В Колхиду ей нет возврата.

Мать (*кричит в зал, затыкая Яну рот, он мычит*). Люди добрые! Не слушайте его! Он – хороший, настоящий семьянин, мы его так рОстили, он, как муравей, трудился, все в дом! Он их и в Турцию возил на “все включено”... У нас семейные ценности – главное! А это он на себя наговаривает с горя! Не слушайте его, люди добрые!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На сцене Девушка в хитоне играет с детьми. Хор сидит (соседки на лавочке, френды стучат на компьютерах). В центре Следователь и Мать (примерный антураж отделения милиции, канцелярский стол, стулья, лампа).

Следователь. ... а теперь расскажите об обстоятельствах вашего знакомства.

Мать. Ну, какие уж такие обстоятельства ... Уехал он на заработки, вернулся и ее привез. Говорит, жена моя, знакомьтесь. Теперь не как раньше,

когда семейные ценности. Теперь – как хотят. Ладно, думаю, жена так жена, поглядим еще... Видывали мы жен нонешних.

Следователь. Было ли у вас впечатление, что она нездорова?

Мать. Да на ней тюки возить можно было! Здоровая, как бык! И красивая, хоть не по-нашему: то ли жидовка, то ли чурка какая. А злющая! У меня на людей глаз алмаз, я с людьми работаю... Выбиваешь чек – и видишь: эээ, нет, что-то ты, парень, с кармане припрятал. Тридцать лет в торговле – не хухры-мухры. Вот и гляжу, как стоит она, как сидит, как на Яна смотрит – и понимаю: чужая. И имя как собачья кличка. Я ей: Мариной будешь, нормальное имя. Хорошо, отвечает, как скажете, мама. А сама зырк на меня. Ну, я стол, как положено, а она сидит, жопу не подымет, будто царица какая.

Следователь. Были ли вами замечены настораживающие факты по отношению к детям со стороны вашей невестки?

Мать. Это вы про что?

Следователь. Ну, может, била их? Угрожала?

Мать. Вы чего? Дитям она в попу дула. Как королей рОстила. Чего не отнять – того не отнять. Тоже еще придумали. У нас сроду такого не бывало – бить, угрожать. У нас семейные ценности.

Следователь. Распишитесь. Да, где галочка. И тут еще...

От хора отделятся Девушка в хитоне.

Великий Кронид... Фемида-царица!

О, призрите, боги, на муки мои!

Отец мой, о город, от вас я

Постыдно бежала, и труп

Родимого брата меж нами.

Хор повторяет за ней каждую фразу эхом. Девушка убегает. Хор расходится по сторонам (люди хора заняты своими делами по углам сцены). К столу подходит Эдик, он же Эгей.

Следователь. Вы давно знакомы?

Эдик. Давно... всю жизнь. С пятого класса в нее влюблен был. А может, с четвертого. А может, всегда. Она к тетушке приезжала, нашей соседке, на лето. Это сейчас таможни, деньжищи, визы... а в Союзе все друг к другу в гости ездили – и ничего, всех кормили, всех принимали, да еще и радовались... Вот же время было, эх...

Наступит лето – и я ждать начинаю. На забор влезу, повисну – и ждать. Бывало, что полдня висел, а бывало, и день... И вот, слышу голос. У всех девчонок писклявые, а у нее, как горный ручей полноводный. И тут, под ложечкой, холод. Или ожог. Или и то, и другое. Вот такой нюанс, понимаете?

Выйдет она во двор, и будто не замечает, что это я там, на заборе, истомился уже. Под акацией пройдет, веточку сорвет... и этот запах. Вы знаете, как пахнет акация? По-настоящему, по-южному, не как у вас еле-еле... Откуда вам знать? И кажется, будто акация не при чем, ее это запах, ее аромат ... Но я ж не дурак, понимаю: и веточку для меня сорвала, и платье лучшее надела. Тут я как соскочу – и к ней. А она от меня (*Смеется*). Она быстрее бегала. Принцесса-дикарка. У нас-то все скромненькие такие были: на парня и ресниц не поднимут. А она глазом горячим окинет – и понеслась. Такой нюанс.

Следователь. Как ваши отношения развивались дальше?

Эдик. А никаких отношений... После школы она больше не приезжала. Потом, нескоро, слышал: натворила она бед там, у себя. Но если по совести, не вдавался. Не до того мне было, женился я тогда: у нас с этим не как у вас. По году к свадьбе готовятся.

Следователь. Так после школы вы не общались, я верно понял?

Эдик кивает.

Следователь. А у нас обратная информация. Распечатка ее телефонных разговоров за сентябрь и октябрь текущего года. Узнаете номер?

Эдик кивает.

Следователь. Каково было содержание беседы?

Эдик. Собиралась она отсюда. Не прижилась... Да и я, если по правде. Холодно у вас тут. Вежливые вы, а души... где они, ваши души? Куда спрятались? По чердакам, сундукам, подвалам? Нет. Человеку горячей крови тут не жизнь. Прошу прощения, вот вы спрашиваете, а... с ней случилось что-то?

Следователь. Разговор с вашей инициативы был или с ее?

Эдик. С ее.

Следователь. Так с какой целью она звонила?

Эдик. Попрощаться.

Следователь. Так вы ж со школы не виделись!

Эдик. Виделись – не виделись, а попрощаться надо. Обычай у нас такой. Вам, здешним, не понять.

Следователь. Не можете припомнить разговор подробнее?

Эдик. Ну, она сказала: возвращаюсь, нет моих сил больше. Ну, а я: и правильно делаешь, я тоже не задержусь.

Следователь. Вы не спросили – одна она едет или с семьей?

Эдик. Не привык я в душу лезть, в чужие дела соваться. Все сейчас уезжают – туда, сюда. Кто прокормиться, кто от войны. Кто на родину, кто с родины. Уехала и уехала.

Следователь. Никуда она не уехала.

Эдик. Не понял. Как не уехала? Гражданин следователь, это как это – не уехала... Господи, да он живая хоть? Я ей ничего не делал! Клянусь! Гражданин следователь...

Следователь подвигает к нему какие-то бумаги. Эдик смотрит. Жестикуляция: он потрясен.

Следователь. Имеете ли что-то добавить к сказанному?

Эдик мотает головой, не может вымолвить ни слова.

Тогда распишитесь. Здесь и здесь. Где галочка.

Эдик. Не может быть. Это ошибка. Это ложь! Клевета! Кто-то ее подставил. Может, семейка Ясона, с них станется. А она... гордая, сильная... у нее сердце живое. Золотое сердце. Я же помню... Как переехал сюда, как привез первую партию масла... Еду, значит, курю в тамбуре вонючем, и думаю, вот для этого я философский и заканчивал, диплом по герменевтике. Но жить ведь надо – вот она, твоя герменевтика.

Тогда все ездили. Здешние к нам, мы к ним – все думали, на чужбине горы золотые. Обмен кадрами. Потеха!

Привез я, значит, это масло. А им дорого! Оливковое же. Привыкли к подсолнечному... колбасу жарить. К жиру свиному. Это сейчас все на здоровье помешались, а тогда... И вот иду по улице, холодина, в кармане – пустота, и с неба моросит, как они тут живут, что ни день – дождь. Может, потому им нужна колбаса на свином жиру, и водка, и калориферы – прогреться... А я один в городе, кажется, что и в мире один. И вдруг зовет кто-то. Не иначе – показалось. Кто меня тут звать может? Ну, и пошел дальше. Слышу: бегут сзади. Обернулся – она. Ну, пошли мы к ней. Жила неплохо, хоть и не особо, две комнатки, ничего лишнего... Но мне раем показалось: я-то хрущобу снимал, бабушатник. Сняла пальто – гляжу: в положении. Ну, что за женщина – ей и живот к лицу! Тепло у нее было – может, от калорифера, может, оттого, что своя она. Чачу поставила, пироги, баранину... Ну как, спрашиваю, счастлива? Да, отвечает, а что не видно? И на живот свой глядит. Я ей говорю: думал, у тебя тут хоромы золотые. А она: да на что они мне? У меня муж золотой. Ну тут я возьми и это самое ...

скушая мужская слеза: может, чачи перебрал, а тут еще развод... И масло еще это треклятое. Сижу, реву, стыдно, а перестать не могу. А она меня – раз – и обняла. Голову к животу прижала, воркует-курлычет, и чувство, будто бы это я в утробе ее бултыхаюсь, мелкий, еще нерожденный. А что она говорила – не вспомню толком.

Разве что куски. Пойми, говорит, земля чужая, мы странники тут... Мы странники, странники. Повторяла. И еще... все будет – лучше некуда. И у меня. И у тебя. У всех у нас. Вышел я это от нее затемно, добрался в бабушатник, аж за кольцевой, – глянь, а в кармане пальто деньги, двести баксов, это огого было тогда. Звоню, а она сбрасывает. Я смс послал: всегда, мол, тебе помогу, во всем. А назавтра масло продал. Всю партию разом – в итальянский ресторан. Маслины привез – тоже продал. И брынза пошла... Только в последнее время, будто отпустила она свою руку, отняла от моей головы. Вот такой нюанс.

(В дальнейшем может ходить по сцене, в проходах, говорить ошарашенно: “Этого не может быть. Это невозможно. Это ошибка” и т.п., потом выйдет незаметно).

К столу подходит подруга Марины. Она беременна.

Следователь. Как вам кажется, имела ли подследственная замысел на убийство?

Подруга. Вы что?!

Следователь. А чему вы удивляетесь? *(Читает)*. 23 октября 2015 года гражданка М. убила своих несовершеннолетних детей, Максима (7 лет) и Степана (3 года) посредством выбрасывания из окна двенадцатого этажа, после чего совершила попытку суицида посредством выбрасывания из окна, пресеченную соседями и сотрудниками милиции.

Подруга. Скажите, а вы ее видели?

Следователь снимает очки, потом надевает, берет ручку, кладет ее, снова снимает. Следователь отходит от стола.

Следователь *(в зал)*. Я ее видел. За этим самым столом. У меня зуб болел, страшное дело. Я допрос веду, а самому выть хочется. И тут она спрашивает: “Сильно?” Я говорю: “Что?”. А она: “Сильно болит? Вы сало на десну положите, а запястье красной ниткой обмотайте.” И травки написала тут же, на бланке. Купил, выпил, обвязал, до сих пор вон с ниткой хожу, видите? Не болит у меня зуб, понятно? Не болит *(Возвращается)*.

Подруга. Можно спросить? Она объяснила? Хоть что-то.

Следователь. Ничего. Итак, что вы можете изложить по факту дела?

Подруга молчит.

Ладно. При каких обстоятельствах состоялось ваше знакомство?

Подруга. В предродовой состоялось. Там нас набилось: на все кровати – и еще не всем места хватило. Все орут, кто матом, кто маму зовет, кто мужа клянет... А я плачу-плачу: обидно, что я с бабьем этим диким, и больно до ужаса. Я там младшая была, всего восемнадцать. А врачиха: ты чего это истерику закатила, принцесса? Мы терпели, и ты потерпишь. Я там поняла, как человеку, когда он умирает – одиноко-одиношенько... Та врачиха меня в коридор выпихнула, ходи, давай, а то ноешь тут, слушать противно. Я и пошла. А там Маринка.

Девушка в хитоне (*появляясь, беременная*).

О, Эрехтеев город, в чьем гордом имени
непобедимость с мудростью смешиваются для эллина... (*сгибается,
всасывает воздух сквозь зубы*)

Подруга. Походит, согнется, постоит, опять пойдет. Бормочет. А я плачу... Она говорит, давай вместе ходить. Взяла меня за руку, я в нее как вцеплюсь. Она старше была, лет на десять... что это я, она и сейчас старше. Она ведь живая, а я о ней в прошедшем числе (*Пауза*). Скажите, а как она там? Не можете? Ладно, поняла. Ну вот, так и ходили, то она нагнется, то я нагнусь, а в перерывах она стихи говорит... Я вообще стихами не увлекаюсь, но тогда помогало. Теперь многие вот медитируют, но стихами лучше ... правда. Смотрите!

Но говорят, что за мужьями мы,
Как за стеной, а им, мол, копыя нужны.
Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз
Один родить.

Ходят по сцене, нагибаются, лица искривляются, держатся за спину, хватаются за живот. Иногда Подруга вскрикивает.

Подруга. Ой, не могу-не могу-сдохну счас! Мама!

Девушка в хитоне. Ты зачем рожаеть?

Сгибаются обе.

Подруга (*сквозь зубы*). Залетела, вот и рожая. (*Пауза*). А что еще делать? (*Боль отпускает, выпрямляется*).

Девушка в хитоне. А кого ты хочешь?

Подруга. Девочку.

Девушка в хитоне. Зачем?

Подруга (*выпрямляясь*). Ну, с девочкой проще ... Не хулиганит. И с мамкой навсегда, не то, что парень. Я шить люблю, будет у меня, как лялька ходить, бантики, косички...

Девушка в хитоне. Мальчик у тебя будет.

Подруга. Никакой не мальчик! Я сама видела. На УЗИ.

Девушка в хитоне. Мальчик (*выпрямляясь*). Вот посмотришь.

Подруга (*в приступе боли кричит, стискивая руку девушки*). Я не хочу мальчика! Я хочу девочку! Я вообще никого не хочу!

Девушка в хитоне. Тсс! И девочка у тебя еще будет. Через три года.

Подруга. Ты чего, совсем? Чтобы я еще хоть раз? (*Плачет*).

Девушка в хитоне (*обнимая ее*). Два раза. Вторая девочка. И третья девочка. А сейчас мальчик. Защитник сестрам, ах, какой же у тебя будет мальчик! Красавец, герой, мать почитать будет ...

Подруга. Ни в жизнь!

Девушка в хитоне. И будет у вас семья... Самая счастливая на свете...

Хор.

Дай мне одно и то же

Тело всегда и ложе.

Пусть прошлое будет схоже

с будущим: лучшей пары

нету. Дай жизнь без свары

в стенах простой хибары...

Подруга. А у тебя кто на УЗИ?

Девушка в хитоне. Я и без УЗИ знаю. Мальчик у меня будет. Весь в отца: добрый, умный, смелый... Лучший. А потом еще один. Он в брата пойдет. Я из них воспитаю (*срывается на стон, сквозь зубы*)... царей.

Хор. Пошли мне - молю Киприду -

любовь, а не эвмениду,

любовь, что легко осилит

предательство и обиду,

горечь и боль разлада.

Такая любовь - отрада.

Другой мне любви не надо.

К ним присоединяются еще семь беременных.

Деять беременных (*хором, идут хороводом*).

О, бессмертными избранные в родственники афиняне!

О, Эрехтеев город, в чьем гордом имени

непобедимость с мудростью смешиваются для эллина,

чьих стен не дано сокрушить врагу, а векам - не велено.

В безоблачной синеве клубятся там небожители,

и слава земная не хочет себе иной обители.
Там златокудрой матери, прошлым людским владеющей,
дочери - Девять Муз - введут хоровод свой девичий".

От Хора отделяется Медсестра.

Медсестра (*хлопает в ладоши один раз, звучно*). Мамочки, рожать!

Женщины уходят, танцуют и постанывая. У стола Следователь и Подруга.

Подруга. А в в палате Маринка мне руку показала: вся синяя от моих пальцев. Это я так в нее вцеплялась, понимаете? А у меня от нее – ни пятнышка. Лежим на койках рядышком, оба наши Максимки рядышком лежат, сиськи смокчут. А я думаю: все для нее сделаю. Всегда. Сказала ей – она обратно смеется. Я ей: ты не смейся, запомни. Ладно, запомню, говорит.

Следователь. Скажите, а как вы думаете, почему она...

Подруга. Я не знаю! Честно! В последний год мы как-то... Она как-то... Не позвонит никогда, ну я и думаю, черт с тобой. Это что за дружба такая, когда только с одной стороны? Типа я навязываюсь. Слушайте, я все уже рассказала. Можно я домой пойду? Тяжко мне. Третьего жду. Третью. УЗИ показало: девочка...

Следователь. А все же не припомните, когда вы в последний раз общались? Может, виделись где случайно? Или по телефону, а из головы выскочило?

Подруга. Да говорю же человеческим языком: не общались мы. Не общались, понятно? Так и запишите!

Подруга спускается в зал. Идет по проходу. Останавливается, оглядывается.

А можно ей письмо передать? Посылочку?

Следователь. Можно.

Подруга. Я вот думаю... с одной стороны. А с другой, она же Максимку... И Степку... Но, если с третьей, это же Маринка ... Как вы думаете?

Следователь (*в зал*). Что ж вы все врете, а?

Подруга идет по проходу. Подходит к женщинам, которые сидят сбоку, разного возраста (первая, вторая и последняя – подсадки, остальные – зрительницы). Останавливается, спрашивает озадаченно: “Девочки, миленькие, зачем она это, а? Девочки, миленькие...” (За ней журналистка с микрофоном – если надо, чтоб ответы публики были слышны). Первая пусть ответит: “Ну это, вообще... Такой негатив. Я думала, хоть в театре отдохну, а тут ужас-ужас...”. Вторая: “Я читала, бывает послеродовая депрессия...”. Потом несколько ответов от зрителей. Последняя “подсадка”: “Да что вы несете, а? Она просто сука! Отца предала, брата загубила, деток... Они ж маленькие, что они чувствовали тогда, вы вообще мозгами думаете, передача, письма... Я бы ей вышку – и перекрестилась бы!”

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Два края сцены. На одной Ян смотрит телевизор. На второй Марина (в халате) сидит за компьютером. Она спиной к зрителю. На протяжении всей сцены ее лицо должно быть не видно зрителю. Вариант: она может быть в маске Комедии. Или просто маска косметическая на лице.

Ян. Ну, давай, давай! *(В телевизоре шум, явно футбольный матч)*. Ну, ну, ну!!! Бляха-муха, опять!

Марина *(Проговаривает вслух, что пишет)*. Ты права, конечно. Но вот в чем вопрос – остаться с ним или со своей правотой. Решать тебе.

Почему уродка? С чего вы взяли? Вы привлекательная девушка! А от угрей хороший рецепт. Вот. В сырой яичный белок добавьте ложку сахара и размешайте, пока сахар не растворится. Половину нанесите на лицо, и оставьте до высыхания. А после наложите оставшуюся часть и помассируйте. Это если кожа жирная. А если сухая...

Ян пьет пиво из банки.

Ян. Ну вот, продули *(рев болельщиков, голос комментатора, Ян выключает телевизор, швыряет банку)*.

Марина. Нет, Тамара. Неверно. Сын принадлежит ему так же, как и вам. А может, и больше... Сын – продолжение мужчины. Мы, женщины, – передатчицы. Из рук бога – в руки отца. Раньше сын вообще с матерью только до семи лет рос, а после из гиникея на отцову половину переходил. Ну причем тут мистика? Это Греция. Древняя? Кому как...

Ян *(переключает каналы)*. Просрали полуфинал, козлы.

Марина. Да, это осложняет. А что, если он будет их знакомить постепенно? Упомянет, что есть одна тетя, которая хочет познакомиться с таким замечательным мальчиком. Потом пусть столкнутся на улице. Потом... Кто бездушная? Она? Ах, я. Ну, вы же сами просили совета, а совет редко бывает приятным. Да понимаю я, понимаю, больно. Но что наша женская боль? Мы живем в мире мужчин... Сколько лет вашему сыну? Как моему старшему.

Ян. Вот мудачье, а? Не, ну, что за бардак!

Марина. Антидепрессанты? Не советую. Лучше вот что. Смешать листья розмарина, зверобоя продырявленного, Melissa и черники. Всего поровну. На ложку сбора стакан кипятка, настоять, процедить и пить как чай. Хвойные ванны помогают, только без всех этих экстрактов. Сделайте настой сами – заодно по лесу пройдётесь, шишек подсоберете, иголок. А лучше всего средство – море. Плыть изо всех сил, потом на спине полежать – и медленно назад. Только не останавливаться. Не останавливаться!

Ян. *(ходит по комнате, пинает разбросанные по полу игрушки, бормочет)*. Крцгом бардак... Жопу рвешь на работе, приходишь домой, к

очагу... ик... родному, а фиг тебе очаг! Бардак! А главное – дома ж сидит! Домохозяйка, блин...

Марина. А почему так агрессивно? Да, я могу вас понять, Галя. Я вообще все могу понять. Сколько там детей, вы сказали? Вот вам ответ. Потому он и мечется. И к жене хоть какие-то чувства, да остались. Не может одно чувство разом вытолкнуть три. Всегда что-то остается... Ну, а на личности зачем? Да, я в курсе, что такое любовь.

Извините, нет. Тут я не советчик. Только онколог. И немедленно.. Молочную железу сейчас хорошо оперируют. У вас все будет хорошо. Я знаю. Что? Просто знаю. Что вы, до оракула мне, как до неба. Но у вас все обойдется. Я знаю. Без всякого оракула.

Ян (*громче*). Советы раздает. Хоть бы копейку какую заработала. А народ не дурак, народ бесплатно норовит. Так убрать хоть могла бы? Насвинячат – хоть стой, хоть падай.

Марина (*не оборачиваясь*). Янушка, я сейчас. Тут такая ситуация...

Ян. У меня, может, тоже ситуация. Вкалываешь на всю ораву, в доме бардак. Не ситуация?

Марина. (*Пишет*). Не бойтесь. Все обойдется. Я точно знаю. (*Встает*). Ну вот. Извини. Я сейчас (*нагибается убрать игрушки, он тоже, сидят на корточках, лицом друг к другу*).

Ян. Сейча-а-а-с... Сейчас, может, уже поздно.

Марина (*смеется*). Игрушки убрать?

Ян. Все поздно. Харэ прикидываться. Чего глазищи растопырила?

Марина поворачивается: (это если не в маске) ладони прижаты к щекам, скрывая лицо, видны только глаза. Выходит Хор.

(*теряя запас пьяной смелости*). Маринка, ну, ты ж все понимаешь. Ты всё всегда понимала. Вот и мамка говорила... “Маринка твоя хитрая. Ох и хитрая. С ней ухо надо остро!”. А я что? Простейшее устройство. Тупой вояка, в батьку своего.

Марина. Не смей! (*Словно заклиная*). Ты – умный, смелый, гордый... Ты лучший.

Ян (*с пьяным самобичеванием*). Это ты лучшая, Маринка. Одно слово – царевна! А я дерьмо. Козел я. Обещал же: навеки. Клялся: навсегда, никогда ... Ты не думай – я помню.

Хор.

Клятвы днесь - что ковёр, который в грязи расстелен.

Места, где честь живёт, вам не покажет эллин.

Разве - ткнёт пальцем вверх; знать, небосвод побелен.

(*Марине*)

За морем отчий дом, где тебя вскормили!

За кормой, за бортом! Ты - в неизвестном мире.

И от отчаянья море становится только шире.

Марина. Заткнитесь, дуры! Это просто день такой. Метеобури. Он кончится, он почти что кончился уже. Давай поспим, а? Ты, когда спишь, на Максимку похож. И на Степку.

Ян. Смешная. Думаешь, завтра что-то изменится.

Марина. Конечно. Ты выпил сегодня. Устал. Матч продули. Пошли спать, а?

Ян. Что – матч, я жизнь продул. (*Тоскливо*). Ну зачем ты все это затеяла, Маринка, а? На хрен тебе сдалось то руно?

Марина (*ошеломленная, не сразу*). Мне? Оно и так мое было!

Ясон. Как же! Оно папани было, братишки. А ты себе захотела. И меня впридачу! И чего? Ну, образование получила. Так здесь этих психолухов – как грязи. А так... Жила б теперь на земле родной. Замуж бы вышла, сколько царей к тебе сваталось (*зло*): а ты фордыбачилась, типа меня ждала. Вот, дождалась... А не клюнь тогда жареный петух тебя в одно место, жила бы припеваючи. И я бы перекантовался. Тут тоже можно было бабла срубить, если по понятиям. Без драконьих зубов и бычьего вонючего.

Марина. Чего ж тебя понесло в Колхиду?

Ян. Дурак был. Хотел по-быстрому.

Хор. С морем дело иметь легче мужам, чем с пашней.

За морем больше места для подвигов, пьянства, шашней

Завтрашний день мужам приятнее, чем вчерашний.

Вот отчего аргонавты вступили в борьбу с пучиной.

Праздность была причиной. Ах, нужно быть мужчиной, чтоб соблазниться — и чем? Чужой золотой овчиной.

За морем — все другое: и языки, и нравы.

Там не боятся дурной и доброй не ищут славы, мысли людей корявы, и нет на сердца управы.

Ян. Правду мать говорила: не в деньгах счастье... Дорого заплатишь. Дороже денег.

Марина. Так ты ее и слушал.

Ян. Вот и дурак был, что не слушал. Попер хрен знает куда, к дикарям.

Марина. Это кто же – дикари? Ты забыл, кто мой отец? Сын Солнца. Брат мой? Апсирт мой, нежный, доверчивый, мудрый...

Ян. Это ты им подставу устроила... Ты – не я (*великодушно*). Ну ладно... Я ж понимаю: для меня старалась. Чтоб меня, значит, не того... В асфальт не закатали – хотя какой у вас там асфальт? Горки, холмики, козьи тропки. Солнце громадное, белющее – жуть! Громкое, бя. Ненавижу. У нас всяко лучше: серенькое небушко, тихонькие люди... Без ваших мордастей. (*С пьяной жалобой*). Пускай бы шло тогда, как шло? Может, и к лучшему ...

Марина. Это если б тебя в асфальт закатали?

Ян. (*Пьяно, жарко*). А так, что, лучше?... Мы ж прикованные, как тот Прометей, нафиг. И печенку еще грызут... Кто там грызет? Волк?

Марина. Орел.

Ян. Точно! Чую, как он клюет, сука, клюет... Тюк... Тюк. Тюк. Спать, говоришь? А ялаза закрою – вспоминаю, как впервые тебя приметил. Столбом стоял: чую – гляну на тебя, так сразу и каюк. Не выдержал – глянул. И всю жизнь столбом... Маринушка! Надеешься – само рассосется? Не рассосется, Маринка! Я ж по-честному хочу! А ты как слепая: хоть бы слово... вопрос... ну, ладно, пусть скандал, я согласен.

Марина. Это чтоб я карманы проверяла, в компе шарила, на смсках подлавливала? Тебе бы проще было? Не будет тебе проще. Все, я спать.

Ян. *(Нетрезво хихикая).* Думаешь, вытащила меня – я навеки тебе обязан? Вот и хожу, кандалами гремлю. Ты этого хотела? Нет, не баба ты... Царица погорелого царства, епть. А мне баба нужна. Без наворотов. Наворотов мне – во, хватило!

Марина. Тут ляжешь, на диване.

Ян. Слушаюсь! А лучше б на конюшне. И выпороть чтоб сначала. По полной, как тот твой раб черный умел. Не-не, спасибочки. Я тут на диванчике прикорну.

Марина. Белье в ящике. Плед в комодке.

Ян. Слушай, а ты как, спишь вообще? Не, ну, глаза закрываешь и дышишь, как бы, спишь. А если по правде? Железная вся. Будто на стреме. *(накручивая себя).* Это ж надо – десять лет жить с бабой – и не знать, на фиг, спит она или нет... *(Передразнивая).* Белье, плед... А я, может, не хочу. Я, может, орать хочу *(Кричит).* Максимка, сынок, иди сюда! И Степку прихвати!

Марина. Ты чего? Они уже седьмой сон видят.

Ян. Дура! И ничего не спят – подслушивают. Ни фига ты в детях не понимаешь. Только молишься на них, как на истуканов в храме Гекаты. А они нормальные. В мою кровь.

Марина. Я и хотела, чтоб в твою. Смелую, чистую, щедрую.

Ян. Ой-ой-ой. А я вот грязный скупой трус.

Появляются дети в пижамках, Ян их обнимает, тормошит, подкидывает вверх. Дети радуются.

(весело). А теперь, детки, скажите стишок, что вчера мне рассказывали. Что мама вас научила.

Дети берутся за руки, кружатся, декламируют.

Дети.

Помню, в детской колыбели

я лежала, бабки пели.

Пели песенку про Ино.

Погубила Ино сына.

Но потом сошла с ума,

в море бросилась сама.

Море билось, море выло.
 Пятна крови с Ино смыло.
 Сыну с матерью приют
 волны моря в берег бьют.
 И привычный моря шум
 успокаивает ум...

Ян. Ну не молодцы? А теперь спаааатки! (*Щекочет детей, они со смехом убегают*). Нормально это? Я тебя спрашиваю!

Марина. Это классика. Еврипид.

Ян. Да это резня бензопилой! Не могла им братьев Гриммов почитать?

Марина. Братья Гримм в сто раз страшнее.

Ян. Ну ладно, не нравятся Гриммы, так Барто бы читала. «Не утонет в речке мяч».

Марина. Мяч вообще не тонет.

Ян. Ну... знаешь... нет слов, одни буквы. Все уже... полный прилет, а ты из себя царицу корчишь! А я еще гордился, дурак. Боялся тебя всегда. Но и гордился.

Марина. (*Задумчиво*). А я думала: жизнь за него отдам.

Ян. Да нужна мне твоя жизнь! Во она где у меня сидит! (*Пауза*). Я не в том смысле...

Марина. А в каком?

Ян (*жалобно*). Слушай, это... если руку на сердце (*бьет себя по груди*), не прижилась ты тут (*Задумчиво*). Я ж понимаю, по дому тоскуешь, по отцу... по морю, так? А у нас с тобой давно все на соплях держалось.

Марина. Врешь!

Ян. Будь у нас хорошо – я бы другую искал?

Марина. Нашел? Ага... Можно два вопроса? Сколько ей лет? И кто ее отец?

Ян. Ну, двадцать. Знаю, скажешь: на молоденькую потянуло.

Марина. Это ты сказал. А отец?

Ян. Отец и отец. У нас работает... Вице-президент головного офиса.

Марина. Хорошо, должно быть, в головном офисе...

Ян. При чем тут офис? Я ее люблю! (*снова бьет себя по груди*).

Марина. Ты и меня любил. И руно тоже.

Ян. Вот же паскудный твой язык. Змея ты ... Горгона! Ладно. Тогда по делу. (*Превращаясь в Ясона*).

На этом мы и кончим. Если вам -
 Тебе иль детям нашим - деньги нужны
 Ввиду пути, прошу сказать теперь;
 Отказа вам не будет. Я и знаки
 Гостинные могу послать друзьям,
 Помогут вам...

(*На отрицательный жест*)

Не хочешь брать? Напрасно.

Открой глаза, не гневайся, тебе ж -
О, женщина, поверь - полезней будет.

Марина. И куда нам, по-твоему, деться?

Ян. А домой. В Колхиду. Бабок на первое время хватит: там уровень жизни ниже плинтуса.

Марина. Чтоб меня там прирезали? Или детей? Ну уж нет (*Скидывает халат, под ним хитон*).

Твоих друзей не надо нам, и денег
Я не возьму - не предлагай, - от мужа
Бесчестного подарок руки жжет.

Ян-Ясон. Слушай, ну, чего ты взвилась? Я ж от сердца (*Снова норовит хлопнуть себя по груди, но останавливается*).

Богов беру в свидетели, что пользы
Я всячески и детской и твоей
Искал, жена, но доброты не ценит
Надменная моей, - и ей же хуже.

А насчет детей есть варианты.

Марина. Что еще за варианты?

Ян. Мать говорит: пусть у нас растут, мы их воспитаем. Людей вырастим. С большой буквы. Ну, что ты кривишь козью морду? Вырастили ж меня.

Марина. Ага. Вырастили. Тебя.

Ян. А ты опять гавкаться сходу... Брось. Умом подумай: без них тебе проще будет. Свободнее. Не хочешь в Колхиду, можешь к Кирке, на остров. Да мало ли... Квартира моя – сама знаешь. Но я по-честному долю отдам, четвертую. Можно по суду, можно так. Ну, не вышло у нас семейной жизни. Так пусть хоть дети будут нормальные. А, Маринка?

Марина хватает со стола банку с вареньем. Сильно бьет себя банкой по лицу (по маске). Маска окрашивается красным.

Марина. Я тебе не Маринка! Я – Медея! Медея! Медея!

Хор. Никто никогда не знает, откуда приходит горе.
Но потому, что нас окружает море,
на горизонте горе заметней, чем голос в хоре.

Оно приходит в Элладу чаще всего с Востока.
Волны податливы, и поступь его жестока.
Оно находит дорогу, ибо оно стооко.

Но будь оно даже слепо, будь освещенье скудно,
горю дорогу в море к нам отыскать нетрудно,
ибо там наследило вёслами наше судно.

КАРТИНА ПЯТАЯ

На сцене Хор, Ян, Галя, Следователь. Галя – молоденькая блондинка. Галя говорит Следователю. Ян – Журналистке.

Галя (*растерянно*). Вам как, все с начала? Ну, были у меня проблемы. Я с универа вылетела. Это второй уже был универ, как бы. Ну, папку выбесило по-страшному, орал, как резаный: кормим, поем, одеваем ... Как он, пока учился, вагоны грузил. Такая вот байда, сами знаете. Ты, говорю, грузил, чтоб у твоих детей было светлое будущее, и чтоб они тебе спасибо сказали. Вот я и говорю: спасибо, папа. Он мне, такой: работать пойдешь. А я ему, такая: вагоны грузить? (*Смеется*). Он и сдулся. Он вообще добрый, папка, только у него типа тоже проблемы. Его на пенсию решили сбагрить. Выдвинули Яна и еще пару-тройку. Ян в филиале у них работает, а филиал – это такая жопа. У Яна там даже секретарши не было. Хотя он, ваще, толковый.

А папке обидно, конечно. Но он, такой, за дело переживает. Я им горжусь, если честно. Папка и говорит: давай, я тебя к нему пристрою, заодно приглядишься, годится ли. Ты, говорит головастая, хоть и дура. (*Замолкает*). Что? Нормальным он мне показался. Как мужчинка. Невредный и на Брэда Питта похож. Странности? А у кого их нет? Ну, были странности... Вы что! Наоборот. Такой примерный муж, что мама дорогая!

На работу придет – домой звонит: добрался. После в обед звонит: как у тебя дела, солнце? Ну какие у нее дела за четыре часа? И вечером обязательно: домой еду, может, купить чего... Ну да! Казалось странным. А вам, можно подумать, нет. Мужчина мужчиной должен быть. Успешным. Самостоятельным. И ведь не урод. На Брэда Питта похож. Даже воевал где-то. В горячих точках. А тут звонки эти сопливые. Я, такая, просто бешусь, когда мужик – подкаблучник. В смысле – ближе к делу?

А, вот вы про что... так это по приколу... Вы же в курсе, что она психолог? Она группу в соцсетке вела. И тренинги по скайпу. Они платные, а группа общедоступная. Я и записалась. Для смеха. Дай, думаю, гляну, что там за Маринка ... Она с языка у него не сходила: типа, умная, добрая, красивая...

Да, вот так и отзывался. Так и пишите: исключительно положительно. Говорил – она его спасла. Где-то, вроде, там, в горячей точке. Но это он только раз трепанулся, на корпоративе. Мы на природе собирались, он поддал и какой-то камень всем показывал, мол, она ему камень дала заговоренный, и Ян с ним заговоренный... В портфеле его тягал, представляете? А возьми да вытащи для смеха. Я ваще веселая по натуре. Закинула в карьер – он искал-искал, задом вверх, я со смеху чуть не уписалась...

Ян. Я искал-искал, рукав порвал, там этих камней прорва, а она стоит наверху, на краешке карьера, и солнце на нее светит – белая, как ангел, и смех, как у ребенка, Маринка отроду так не смеялась, у Маринки все всерьез, все навечно. Вот и устроила, сука, навечно – Степке, Макс, мне, родителям... Мать-то ничего, держится, ее не прибьешь, а отцу крышу начисто снесло: ходит по квартире, ищет: то в шкафу, то под кровать залезет. Я, главное, знаю, кого он ищет. Степочку маленького... За что она это? За то, что я ангела полюбил?

Галя. Ну, вечером я группу нашла, подписалась. Придумала историю пожальчее, “люблю-не могу, а он женат”, а она мне сочувствует, типа, советует. Да нет! Мне он ваще был фиолетово. Чисто по приколу! Мнение? Ну да, она штучка, правду он говорил... В смысле? Ну вот, например, ты ее троллишь, а она спокойная, как, ну не знаю... царица, или вообще богиня. На все у нее ответ, будто бы у этого... дельфинского оракула. Ну да. Втянуло. В кайф зашло. И на него гляжу теперь по-другому. Думаю: что-то ж она нашла в нем... Вот так смотрю и думаю: ну что, что же в тебе такого? Походу загналась я слегонца на эту тему.

Ян. А она ходит, тихо так и смотрит с тоской – будто ждала подарка от Дед Мороза, а он ее надурил, и чувствуешь себя этим паскудником Дедом Морозом, и все ей хочется отдать: на, у меня же все есть – и дети, и Маринка, семейный очаг, так сказать. А она чулочек порвала, клеем мажет, чтоб не поехал, стрелка, и под ним – кожа. Белая. Проталинкой. И до того мне жалко – и чулочка, и кожи, и юности ее. Никого не было так... Маринка сама кого хочешь пожалеет – и детей, и меня, и дур из интернета. Вот и пожалела! Всех. Махом.

Галя. А на новый год – второй корпоратив: мы коттедж сняли. У нас ценности – корпоративный дух и любовь к природе, в кодексе фирмы прописано. Он опять перебрал, я перебрала, оказалось сплошное не то, но ладно, норм, живем дальше... Порвать? Ну, я не знаю. Неудобно как бы. Начали, вроде, по согласию, чего теперь из себя строить. Хорошо хоть, нечасто. Раз в месяц ресторан, после койка. В таком вот режиме. Я ж не стерва какая, понимаю, у него семья...

(К залу, пытаясь затеять беседу, провоцируя).

Я вот книжку читала. Я читать люблю, особенно психологическое. Вот ты читала “Как стать стервой”? А ты? А ты? И как тебе? А тебе как?

(Реакция женщин зала. Надо посадить подсадку, пусть в конце скажет, что читала и понравилось).

Воот! И я! Прямо прибалдела! Будто б сама написала, только я б так не смогла. Мне, знаешь что, понравилось: сама не возьмешь – никто не даст. Крупным шрифтом, с выделенкой! Вся жизнь впереди! А Ян, вроде как тренажер... А что вы так смотрите? Я понимаю, это, как бы, не очень, но стервой же, а не мимими...

И вдруг она за ним на работу заходит, собирались, что ли, куда-то вместе. Мне вообще-то до одного места, но поглядеть интересно. Красивая

оказалась... Гордая, как царица. Бывают такие. Сядут в уголке, помалкивают – а все время чувствуешь: тут она. А другой кто выступает в полную масть, аж пищит, только его на фиг не видно... А что Ян? Ну, суетится, прыгает – неловко мужику. А после как выдаст! “Галочка, – говорит, – приготовь-ка нам кофейку”. Как секретутке. Вот тут я и загналась. Я себя, между прочим, не на помойке нашла. Кофе сраное им подавать? А она молчит, улыбается ... смотрит мимо, будто я – пустое место, она на все, как на пустое место, кроме него. Меня аж внутри перевернуло: это же мне ты вчера писала, что я милая, светлая и достойна любви. Только слишком доверчива и незащищена. Ты, ты мне это писала, дура!

Ян. А тут еще Маринку на работу ко мне занесло. И она эдак важно, царевна, блин, колхидская, говорит Галюсе моей: “Девушка, приготовьте нам кофе”. В черном платье, в браслетах на полруки. А Галочка, птиченька, в розовой кофточке, волосы растрепались, милая, светлая, и так униженно несет это кофе сраное... Вот бы Маринка сейчас сказала: Ясичек, кофе – это он. Тварь, адова кукла... Матери Галочка, кстати, очень даже по душе, говорит, не горюй, она тебе еще сынка родит. А я ору! Вот так ору: дура, сволочь! Это на мать родную, а ведь она утешить меня хочет ... Сволочь!... Не-не, я все. Не дергайтесь. Я все, я спокойный. Я ж понимаю, вы в театр пришли, деньги заплатили... Я ей предлагал деньги, Маринке... Ладно-ладно. Я все. В порядке.

Вы только мне скажите...

Спускается в зал.

Мужики! У вас никогда так не было, чтоб жена... Не, я не про сейчас. Сейчас вы все тут женатые-счастливые, без вопросов. Я про раньше. Про когда-нибудь. Чтоб жена – и любовь. Маринка хорошая жена была... Деткам песенки пела: что ни вечер новую, на своем языке, я не понимал, а они понимали, вроде... Стишата с ними разучивала, странные, правда, но говорила, классика, этот, как его... не помню... может, и правда, классика... Все в башке комом... а ведь не пил, я с похорон трезвый... Выготавливала им детское, а мне – взрослое, и пироги пекла, и заработать пыталась, и в доме чисто, а что игрушки на полу, так понятно, дети же... и спокойная, и красивая, и ни одного скандала, прикиньте, мужики... А в постели... Молчу. Вы поняли. В общем, во всем особенная была. И главное – помню же, что любил. Недавно еще. Вчера! А потом – раз – и забыл нафиг. Как любить – забыл. И при том всем ей обязан. Жизнью, блин! Вот за это и ненавидишь. За эту благодарность – кандалы проклятые, никак их не сбросишь. Видите, я честно с вами, мужики!..

Галя. Хотите честно? Я боюсь. Его боюсь. Его мамы боюсь. А от папы вообще в дрожь кидает. Ходит, по шкафам шарит, ищет. Как в ужастике: знаете, все эти дома... Будто зараза на них на всех. А еще боюсь: скажу ему – прибьет. Он, мне если, честно, никаким боком... Не нравился он мне! А по существу дела мне нечего больше изложить...

(обращаясь к Хору).

Ну чего вы уставились? Я правду сказала ...

Хор *(френды, стуча по клавиатурам, и соседки на лавочке).*

Френды. Ну и сучка!

Люди... Это ж она всех их поубивала. Пупом своим проколотым. Татушечками. Шортиками по самое не могу.

Вот только не надо, а? Все оправдания Маринке подыскиваешь... Она и убила. А девчонка просто прикалывалась. Ты вот никогда не прикалывалась?

С чужим мужем? Нет.

Праведница ты наша, мать Тереза... Посылочку уже отнесла?

Отнесла. И еще отнесу.

Соседки. Молодые – они без понятия. Сразу мужику в штаны... Извиняюсь за выражение.

Придумали слово “секс” и носятся с ним, как с писаной торбой.

Это не они. Это американцы.

А наши от них нахватались. Я как фильм показывают, и там это дело – сразу выхожу. Сын смотрит, невестка, а я сразу в кухню. Смеются с меня, а все равно ухожу. Еще и сын, и невестка, чтоб видели, что я такое вижу?

А в наших скажете – нету этого?

Так это все с Америки!

Бедная девочка, как же ей теперь жить -то?

Вы, Ада Львовна, извиняюсь, спятили?

Френды. ... просто троллила, откуда ей знать, что Маринка на всю голову больная ...

А давай я тебя потроллю – с твоим мужем!

Заткнись.

А она ничего, эта Галя. Я бы с ней, пожалуй, замутил.

Нет, ну балдею я от мужиков. Тут один мне фотки показывал, профессор из Голландии: ему 60, а девки еще совсем соплюхи. Специально сюда ездит потрахаться. Хотела ему сказать: что, дешевле тебе тут обходится, чем в Амстердаме?

Ну и на здоровье. Все по-честному: он им, они ему.

Ужасно это – молодое тело покупать! Это же он клеймо на себе ставит: у меня без допинга не выходит. Такое унижения!

Раззавидовалась? Хотела бы, чтоб он с тобой, да? Тебе сколько, полтинник? Для мужчин, считай, отживший материал. Разве что, кому семьдесят.

Допрыгался, педофил. Бан.

Соседки. Раньше если кто по молоденьким бегал – так академики, ну, я знаю, артисты народные, Олег вон Табаков. Или вот еще... сериал про академика видели... Страх Божий, и еврей евреем, и жена-красавица, а вот же

блядовал, извиняюсь, конечно... А как в аварию попал, так не девки евоные, – жена утки выносила, пеленки меняла.

Ландау.

Все-то вы знаете, Ада Львовна. Выше других все прыгнуть хотите. А сами и замужем, поди, не были?

Не была.

Не сватались?

Сватались.

И что? Неужто ни один в душу не влез?

Отчего же, влез.

Аааа... дотумкала. Женатый был, верно? Ада Львовна, да не обижайся ты. Я ж не со зла... Ушла. Любит выставиться. Будто у нас женатых не было (*Поет*). Огней так много золотых на улицах Саратова... Подпойте, девочки, а? Не те уж силы, а раньше голосина была – труба ерихонская... И косища – до попы.

Старушечий хор поет негромко. На фоне пения – разговор френдов.

Фу! Забанила – дышать легче стало. Кстати, а что он там пишет?

Ты ж его забанила. Зачем тебе?

Вы заметили? Мы все время грыземся. Баним всех подряд. Раньше такого не было.

Раньше было кому разруливать. Марине...

Еще один нашелся эту тварь жалеть.

Ну, может, она больная. Я читала. Депрессии послеродовые знаешь сколько тянутся, если не лечить. И никто не видит. А потом – раз и все. Синдром Медеи называется...

Может, и больная. На всю голову. Больная на голову тварь.

Она не больная. Ведьма она. У меня двоюродная сестра знает подругу двоюродной сестры ее мужа.

Ого, завернуто... без поллитры не разберешь.

Она, как приехала со своих краев, какую-то травку привезла.

Охохо. Знал я, что без травки не обошлось.

А ну тебя с твоими шуточками. Вячно у тебя пьянка, бабы, травка.

А что? Я за легализацию марихуаны.

Не флуди. Иди петицию пиши на Change.Org.

Что, и пошутить нельзя?

Так что там было, с травкой?

У ее свекра фирма была. На пару с братом. Брат рулил, а свекор типа завхозом. И муж ее туда же пришел, со всеми бабками своими, что привез... Говорят, не бабки даже, а золото. Представляете?

Во-во, сказки пошли бабские.

Заткнись, а? Дай дослушать.

А свекор ее болел сильно. Типа мерцалка. Сбои, больницы, очередь на операцию. На пять лет. Ясно было – не доживет. А Маринка возьми и начни

ему эту травку давать, он раз выпил, два выпил – и как рукой. И от операции отказался.

Да... Народная медицина – это сила! Я уже двадцать лет, как все таблетки из дому выкинул...

А у брата его это же самое было. Может, семейное. Только полегче. И дочки его к Маринке – за травкой.

И что, не дала?

Дала. Он выпил, а назавтра...

Что?

Аллес капут.

Опа!

А что вскрытие показало?

Ни-че-го. Только после этого маринкин муж стал рулить, а папаша завхозом остался. Они долго на плаву были – только в последний кризис просели. Купили их. Мужа, правда, оставили типа менеджером. А папашу сократили...

Ну, про ведьму ты загнула. Бывает так: одному пойдет, другому нет.

Это не я. Это его дочки говорят: ведьма.

Я вот думал, писать ли. Я к ней обращался. По скайпу на личный прием. Три года назад. Мы сперва голосом говорили, а потом камера забарахлила – и чатиться стали. Счас поищу...

Соседки поют почти беззвучно, потом незаметно затихают.

Вот нашел. “Я думаю о ваших словах: любовь прошла. Это правда. Проходит. Даже самая сильная. Но ведь любовь на крови держится...”

Это как?

Девушка в хитоне появляется, ходит между френдами и старушками. Ее никто не видит.

Девушка-Марина. На вашей. На ее. Ваших родителей, которые ее знать не хотели. Ее родителей, которые тоже о вас не мечтали. И детей, которые на вас похожи. Столько крови! Для чего? Чтоб через пять лет все ухнуло? Где же прольется кровь? Чья?

Молодой мужчина отделяется от френдов, идет в зал. Останавливается на краю сцены, оборачивается.

Мужчина. Что вы заладили: кровь-кровь? Это вам не про мафию кино. Я же к вам как на консультацию. И деньги перевел.

Девушка-Марина. Могу вернуть. Это оговорено в правилах. Последний пункт.

Мужчина. Я ее видеть не могу, ясно? Запах ненавижу. Меня от ее шагов выворачивает!

Девушка-Марина. Это пока. Постепенно, день за днем...

Мужчина. Я другую люблю. Это вы можете понять?

Девушка-Марина. Могу.

Мужчина. И она меня.

Девушка-Марина. Бывает.

Мужчина. И что же? Бросить мне ее, что ли? Ради чего? Вот этого ада?

Девушка-Марина. А это тоже кровь. Ваша. Руки себе выкрутить. Губы грызть. Выть по ночам в туалете. Вдвойне ненавидеть, вдесятеро, в сто раз... Всех – жену, себя, детей даже. “Я без тебя не могу,” – думать, может, даже кричать. Когда никто не слышит, конечно. Тогда только вашей кровью и обойдется.

Мужчина. Не жизнь, а малина.

Марина. А через год пройдут все закаты и восходы, которые вы прожили в этой любви, зима пройдет, весна, и осень, и лето, и круг замкнется, отцепятся якоря – один за другим – вы проснетесь рядом с женой и вдруг поймете про ту, вторую: “Я без тебя могу”...

Мужчина. С чего ты взяла?

Марина. Это не я. От века так. Почему храмы строили на крови? Кровь сама дело делает... И у вас так будет. Вы вот сейчас не верите, это нормально. Вы не можете верить. Потом, все потом. Вы по-новому их полюбите – жену, детей. Сильнее. А как иначе: вы ж за них кровь пролили.

Мужчина. Слушай ты, психичка, камбала мороженая, пошла на хрен, что ты понимаешь в любви? Вот если б у тебя такое было? С твоим мужем?

Марина. Вообще-то я не должна отвечать. Сетинг, понимаете? Но я отвечу... мой муж, он бы выкрутил, выломал себе руки. Из всех суставов. Он был смог!

Уходит.

Хор. Той семьи уж нет. Ей пришёл конец.

Лёг в чужую постель двух детей отец,
чтоб их мать наполняла воплем пустой дворец.

Таёт сердце Медеи. Ни брат, ни друг,
ни подруга прикосновеньем рук
не согреют её. Ни души вокруг.

Мужчина спускается в зал, за ним журналистка с микрофоном.

Мужчина. Она уж и молчит, уж и в скайпе не светится, а я все матюгами ее, матюгами! Цензурных-то не осталось. *(Подходя к зрителям, настойчиво дожидаясь ответа).* А ты бы что сделал, а? *(К девушкам).* А ты б хотела, чтоб ради тебя руки выломали – с кровью? Хотела бы? Нет? Врешь.

Провоцировать беседу, как возможно более настойчиво. После ответов садится на край сцены. Обращается к кому-то одному.

Я тот же день заявление подал. Ей, ведьме, назло. Три года, как с Танькой развелись. Два, как женился. Год – как видеть ее не могу. От запаха мутит. От шагов выворачивает. Любовь, она проходит. Проходит, сволочь. (*К залу*). Не веришь – флаг те в руки, хвост трубой. А я... Я к Таньке захожу. Детей навещать надо, так? По хозяйству помочь, приколотить что, дрель, ну, такое всякое: мужская рука, понятно? Она не завела никого, Танька. Может, и не заведет – сорок шесть лет, это для бабы– гроб уже, так ведь? Нормально общаемся, цивилизованные же люди. Я неделю назад там был. И вот выхожу, а она в коридоре стоит, провожает, как всегда... в смысле, как раньше – и вдруг берет и шарф мне поправляет. Привычно так, знакомо. Может, встрепенулось в ней что-то, память, руки сами возьми да поправь. А вот Ленка, она б не поправила. Ленка думает, я – как она. Я тоже так думал: тусил в клубах, с ней, с друзьями ее. Как будто она мое молодильное яблочко, как в сказке. Только в сказке нету, что потом. Он, кого омолодили, взял и обратно постарел. То спину прихватит, то простудится. Ленка не замечает – и слава Богу. А то спросит: может, в аптеку сходить? А мне не надо, чтоб она в аптеку... И подружек ее не надо. И клубов. И телека. И музона дурацкого. Мне бы с ровесниками. Кому сорок. Под “Роллингов”. Выпить. Закусить. И чтоб Танька чай заваривала черный. Не олунг, не зеленый рисовый, как они все пьют. Чернющий, индийский. Со слоном. (*Хочет уйти, потом останавливается*). Я два слова еще... В общем Танька шарф поправила и говорит: что-то ты гундосишь, не подхвати вирус этот, свиной там или птичий... Не подхватчу, говорю, по лестнице спускаюсь, а она дверь держит, чтоб мне на лестнице светло. Всегда так держала. Потом закрыла. Вот тут я и завыл...

Хор.

Мало осталось в мире правды и меньше - чести.

Сердце мужское они покидают вместе.

Времени ход не значит, что торжествует правый,

и всё же наша печаль нам обернётся славой:

сильный лишь выживает. Переживает - слабый.

Марина (*из-за спин Хора. Сочувственно, нежно*). Теперь эту полюбить придется. Год, закаты и восходы, зима пройдет, весна, и осень, и лето, и круг завершится...

Мужчина. Прочь! Это ты убийца! Не я! Ты! Откуда ты все знала, ведьма?

Френды.

Херня-с.

Таки ведьма.

Может, она всем одно и то же заливала.

Нет.

Нет.

Нет.

Мне сказала: на вашем месте я бы ушла.

А ты?

Я осталась. Он хороший. Просто находит на него. Иногда. А так он добрый.

Не понял... Он тебя бьет, что ли?

Он меня любит! Я сама виновата!

Он тобой манипулирует. Я бы ни дня с таким не прожила.

Он бы с тобой тоже!

Вот вам пожалуйста. Стокгольмский синдром во всей красе..

Да ты в адекватности вообще? Ноги в руки – и побои снимать.

Не пойду, не пойду, не пойду! Он меня тогда вообще убьет. На него находит. А так – он хороший.

Хочешь с тобой схожу?

Нет! С Маринкой бы пошла, а с вами – нет. Отстаньте! Все отстаньте, а то я сейчас...

Хочешь сказать: она лучше? Мы детей не убивали.

Эк ей в тюрьме икается...

Галя (*выходя из-за спин хора, с авансцены, Залу*). Я следаку все сказала. Ну почти, а то подумает: ваще девка с резьбы сошла. А вы поймете, потому что... Вас же нет. Вы на сцене, вы просто актеры... Я одна тут, в зале. Никто не слышат. (*кричит*). Я не знаю, как мне без нее. Она меня хвалила – и я старалась, как она сказала, делать. Она за меня беспокоилась: а что вы грустная сегодня, Галя? А почему вас, Галя, давно не было? Ничего не случилось? Она волновалась за меня, блин!

Хор. Но и невесте новой, идти под венец готовой, тешиться, зная, недолго подаренною обновой".

"Золотом Персефоны вышитою панёвой!"

"От свадебного подарка ей станет внезапно жарко".

"И страшным пламенем после вспыхнет всё платье ярко!"

"Не отличит жених суженой от огарка.

Галя. Я по ней скучаю! Будто она и меня заодно в окно выкинула! Или отравила! Или сожгла! Или все вместе! Я скучаю по ней! Сильно!

Убегает.

Хор старух продолжает и заканчивает песню.

Его я видеть не должна, боюсь ему понравиться, с любовью справлюсь я одна, а вместе нам не справиться.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Медея и Хор. Медея упаковывает вещи. Смотрит в список. Вычеркивает то, что упаковала.

Медея. Лекарства. Так. Максимкины солдатики. Есть. Степкин жираф... Где жираф? *(Мечется по комнате, все более суетно, сшибает вещи)*. Где жираф? Где жираф?

Возможна некая отчаянная пантомима. Потом берет себя в руки. Смотрит на часы.

Так вот же ты *(Укачивая жирафа, как ребенка, напевает, как колыбельную)*.

Мне убежать из дома: но куда
 Меня ты посылаешь? Устремлюсь ли
 Я в Фасис и Колхиду - край отца,
 Где пажити омыты кровью брата?
 Каких земель искать повелеваешь?
 Какие указуешь мне моря?
 Каких земель искать повелеваешь?
 Какие указуешь мне моря?
 Каких земель искать повелеваешь?
 Какие указуешь мне моря?

Вскакивает. Хватает трубку, звонит, слышны гудки. Включается автоответчик.

Мужской голос с легким акцентом. Извините, сейчас я не могу ответить на ваш звонок.

Папа. Это я. Перезвони мне, пожалуйста.

Короткие гудки.

Папочка! Перезвони!

Короткие гудки.

Папочка... У меня сыновья, папочка! Твои внуки, па! Наследники...

Механический голос. Абонент находится вне действия сети.

Медея. Ладно, пап. Ты прав. Прости.

Опять набирает номер. Из-за кулисы выходит подруга со звонящим телефоном в руке.

Подруга. Ну привет-привет! Это ж сколько лет, сколько зим? А то я звоню, а ты никогда. А я что, я простая, я не в обиде. На обиженных воду возят. *(Смеется)*. Ну, как жизнь молодая? А я, прикинь, за третьей пошла. УЗИ еще не было, но ты ж говорила: тоже девка будет, помнишь? Малая ревнует, конечно, а Максимка счастливый: любит мелких. Все, как ты говорила. Один тут пацан на площадке малой подножку поставил, так Макс налетел на него! Ну, та мамаша подскочила, Макса за ухо, а я ей: не смей! Мой – защитник, сестру оберегает, лучше за своим смотрите, а то вырастет бандит... Да ладно, что это я все о себе, ты давай про себя, как дети, как Ян? Повезло тебе с ним... А у нас были проблемы. Вижу, начал глазом не туда косить, сейчас же у всех крышу поносило, девки почти голые со всех сторон ... ну, я в церковь к батюшке, а он, молись, дочь моя, и предохраняться грех... вышла – и прям осенило меня, как Боженька-то подсобляет. И пособие увеличили, если трое... В общем, обошлось, тьфу-тьфу-тьфу. Мой повздыхал сперва, я – будто не замечаю, а как у меня сиськи в рост пошли – так и началось: прям медовый месяц ... Я даже каяться ходила. Батюшка говорит – грех. А я думаю, ради семьи ничто не грех. Слушай, а у тебя с этим как? Ты ведь манкая. Даже как-то моего к тебе приревновала, было дело. Хоть и понимала: твой моему фору в сто очей, так на кой тебе мой сдался? Да ты и сама у подруги не отобъешьешь... Гордая. Потому и не звонишь, да? А я не обижаюсь. Я простая, а ты с образованием. Вот, кстати, скажи мне, как психолог. У меня Максимка в куклы любит играть. Он не этот, не гомик? Или его уже лечить пора – чтоб не запускать... Гомик, да? Гей? Ой, да что ж это такое?

Медея. Не гей. Слушай, а можно у тебя пожить с детьми? Недолго.

Подруга. Что?

Медея. Несколько дней. Пока квартиру не найду.

Подруга. Так у тебя же самой квартира.

Медея. Уже нет.

Подруга. Стой, ты про что? А Ян?

Медея. Тоже нет.

Подруга. Фу! *(обмахивает лицо)*. Аж дурно стало. Так что, он тебя кинул, что ли?

Медея. Вроде того.

Подруга. Молоденькая, да? У него молоденькая?

Медея. Можно у тебя пожить? Несколько дней.

Подруга. И с квартиры гонит? Вот же сукин сын! Там же твоя доля, от Руна. И совместно нажитое. Да тебе с детьми там три четверти причитается, как минимум. Ты вот что, дурью не майся, прямиком в суд. Хочешь, я моему позвоню, у него юрист есть хозяйственный?

Медея *(сглотнув, после паузы)*. Не надо. Мне бы пожить где-то... Несколько дней, пока не сниму...

Подруга. Ох, прям не знаю... если б на недельку-две пораньше, а сейчас ну никак. Свекор о свекрухой к нам переехали.

Медея. Надолго? Я, может, смогу еще пару дней тут потянуть...

Подруга. До родов. И после. С детьми управиться. Максимка-то тихий, а вот малая – сущий пацан... Слушай, как к психологу. Она платье не носит и волосы требует, чтоб стригли... Из нее этот... трансгендер... не получится?

Медея нажимает на кнопку. Подруга слушает короткие гудки. Уходит. Из-за кулис слышится разговор: Медея слушает его.

Голос мужа подруги. С кем это ты?

Голос подруги. Маринка звонила.

Голос мужа подруги. Чего хотела?

Голос подруги. Да так, потрепаться. Странная она все же.

Голос мужа подруги. Так она всегда была не в себе. А мне мать звонила.

Голос подруги. И как они там, ничего?

Голос мужа подруги. Говорит: жарко. Не то, что у нас холодрыга

Голос подруги. Да ладно тебе. Потерпи. Рожу – тоже в съездим. Через годик. На “все включно”.

Медея смеется.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Звонок в дверь. Медея выходит, возвращается с Эгеем.

Эгей (*оглядываясь*). Пакуешься? В отпуск? (*Медея молчит*). А чего дрожишь?

Медея. Зябко.

Эгей. Да, тут всегда зябко. Только ночью, под одеялом – теплее. (*Медея молчит*). Домой погостить? Значит, простил отец,?

Медея. Нет.

Эгей. А я вот и думаю: неужели простил?

Медея (*повышая голос*). Я же сказала: нет.

Эгей. Ну ладно, ладно. Я просто так сказал, не для обиды. А я тебе долг принес.

Медея. Спасибо.

Эгей. Чтоб ты не подумала, будто бы я добро забываю. Я ж тебе сказал тогда: вовек не забуду, помнишь?

Медея. Помню.

Эгей. Что-то случилось?

Медея. *(эхом)*. Что-то случилось. Что-то случилось...

Эгей. Не хочешь рассказать? ... Слушай, ну, мне-то, другу детства... Я ж не просто так. А вдруг помочь смогу? Ты мне тогда помогла – а я сейчас.

Медея. Ты мне мужа вернешь?

Эгей. Ты что? Он...

Медея. ... да нет, не пугайся, жив он здоров.

Эгей. Молодую нашел, выходит?

Медея. Обычное дело, да, Эгей?

Эгей. Для кого как. Наш мужчина так не поступит.

Медея. Так уж и не поступит? Ты вон одну взял, потом другую. А после и ее бросил. Одинаковые вы.

Эгей. У меня другое дело! Я без вины пострадал. Ни та, ни другая потомства не обеспечили. Ты же знаешь, дети для мужчины – все. Эх, Медея-Медея... Надо было мне быстрее тогда бегать. Догнал бы тебя – не вырвалась бы. Родила бы четверых.

Медея. Четверых?

Эгей. Ну, считай, пунктик у меня. Я знаю – немодно. Живут же эти чайлдфри? И ничего. А я не могу! Кровь требует! Мне продолжение надо оставить. Чтобы в баню с сыном, и я ему спинку потер, а после он мне. Чтоб потом за стол под акацией – и чача, и долма, и сыр. Я б ему глоток наливал. Я б тост за него поднимал. Всему обучил бы, все пути коврами бы устлал... Можешь ты это понять?

Медея. Могу.

Эгей. Это да. Ты все можешь понять. Я это давно знаю. Эх... Не догнал я тебя, Медея.

Медея. А ты попробуй.

Эгей. Не понял.

Медея. Догони. Я и убежать не стану *(подходя к нему)*. Давай. А я тебе рожу. Двоих.

Эгей *(испуганно)*. Да ты ж меня не любишь.

Медея. А ты меня любишь? *(Пауза без ответа)*. Вот видишь. Не бойся, это пока. Любовь придет. Она на крови растет. На женской. Родильной. Мужская боевая вся под землю ушла. Только женская и осталась.

Эгей. Эй, ты о чем?

Медея. Забери меня, Эгей. Под акацию. К морю. *(Срывается)*. Забери! Ты ж хотел меня!

Эгей *(растерянно)*. Ну, было.

Медея. И тут, когда с улицы тебя привела, хотел! Удавлюсь, говорил, слезы градом – а я обнимаю и чувствую: надо же... Может, и спасло тебя, что бабу больше хотел, чем удавиться.

Эгей. Ну, может.

Медея. И сейчас хочешь. *(Льнет к нему)*. Хочешь-хочешь.

Эгей *(задыхаясь)*. Ну, допустим.

Медея. Так забери меня отсюда!

Эгей *(отскакивая)*. погоди. Давай посидим. Поговорим.

Медея. А чего говорить-то? Тебе дети нужны?

Эгей. Ты это... ты в порядке?

Медея. Я? *(смеется)*. О, нет! Я не в порядке! Но родить могу. Двоих.

Эгей *(растерянно)*. Спасибо, конечно. Только ведь я ж не куда-нибудь, я домой еду.

Медея. И я поеду. У вас, почти как у нас. Я помню, каждое лето на каникулы приезжала.

Эгей. Все помнят. И отец мой. И мать. И тетка твоя жива еще. Все помнят. Про Руно. Про отца твоего Про брата: он ведь тоже на каникулы приезжал. У нас память долгая.

Медея. Да ладно тебе *(Убаюкиваяюще)*. Все быльем поросло, травую, полынью степною, кипарисовыми ветвями, шелковицей, тамариском, маками, раковинами белыми певчими, перламутром рыбьим... Наколдую, все всё забудут. Я умею. Я такое наколдовывала ... Таких расколдовывала... Алкоголиков, избитых женщин, и брошенных, и бросивших, и тех, кто не хочет жить, и тех, кто хочет, да не может... Всех расколдовала – себя нет ... А мне бы дощатый стол. Солнце. И виноград. И акацию. И моремореморемореморе... Шумитшумитшумит...

Эгей успокаивается.

Расколдуй меня, Эгей. Забери нас отсюда.

Эгей *(приходит в себя)*. Вас?

Медея. Меня. Макса. Степку. Вот и будет у тебя четверо. Как ты мечтал. Двое беленьких. Двое черненьких. Будет кому спинку в бане потереть. С кем чачи выпить. Кому коврами жизнь устилать.

Эгей *(отодвигаясь)*. Ээээ! Так мы не уговаривались. С тобой – ну, допустим, можно попробовать. Ты не девочка, я не мальчик. Ты женщина в затруднении. А я, как мужчина, помочь тебе должен. Сложится у нас – будет тебе и сад, и виноград, и море. Не сложится... Ну, может, за границу

съедешь. В Италию – им рабочая сила нужна. Многие устраиваются – и ничего, с подарками приезжают.

Медея. А дети? Ты ж так хотел... банька, чача, коврами...

Эгей. Своим – устелю. Чужим – пусть их отец устиляет. Такой, понимаешь, нюанс. Уж прости, Медея.

Медея. Ничего, бывает. Ну, в добрый час, Эгей, и в добрый путь!

Эгей (*фальшиво-жалостливо*). А, может, у тебя еще с Ясоном устаканится. Перебесится – и к жене, умнице-красавице. (*Собирается уходить*).

Медея. Деньги.

Эгей. Что?

Медея. Ты деньги забыл отдать.

Эгей одет деньги, уходит.

Хор.

Зла судьба к тебе, ох и зла!

Бедам, жена, твоим нет числа.

Кровли нет такой, чтоб от них спасла.

Где теперь твой дом, чтоб найти навес?

Нет, Медея, земли от таких небес.

Точно бездну разверз для тебя Зевес!

Медея. Заткнитесь все! Вон отсюда, поняли? Вас нет! Я сама вас придумала на свою голову! Я!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Медея одна. Садится лицом к залу, берет ноутбук на колени. Постукивает по клавиатуре, говорит, то спокойно, будто диктует, то рвано, иногда кричит.

Медея. Сколько ж их набралось сегодня! Отчего – сегодня?

... простите, не знаю, чем помочь. Тут утешенья не действуют... потерять брата (*В зал*) Апсирт мой, Апсирт! Мальчик мой, тонкий, как лоза, ясный, как заря. Как же ты верил в эту овчину проклятую, шкуру вонючую, вон, на антресолях валяется... Висела бы в лесу на святом древе, как тыщу лет висела – ты бы жив остался. Я тебя любила, я тебя качала, я тебя буквам учила, все у тебя отняла, забыла, убила... В мальчиках тебя вижу. В мальчиках люблю (*Печатает*). Скорблю вместе с вами. Держитесь! (*В зал, передразнивая*). Держи-и-итесь! Плакать – стыдно. Выть некрасиво. У тебя хоть были плакальщицы, Аспирт... У нас всегда были плакальщицы.

... а если сказать: прости. Я скотина, и нет мне оправдания ... Почему? Ах, всегда виноваты двое? Я сама говорила? Возможно. Все возможно. И в чем же она провинилась? Ужин не вовремя подавала? Игрушки с пола не убирала? Да не крохобрствуйте, примите вину на себя – будьте же мужчиной!... Что? Да, этого я точно не переживу (*сквозь хохот*). Он меня... Он меня... ох, не могу... отфрендил!

... Ну да. Они уходят. Мы им землю коврами устилаем. Золотом выбоины мостим. А потом шпыняем: давай, расплачивайся по полной, кровь моя и плоть. А он уже не кровь. Не плоть. Не семя. Не живот. Не кусок естества ... (*В зал*). А чей же еще, этот не кусок? Кому он еще нужен? (*Пишет*). Вы ж не для себя рожали, правда? (*Вскрикивает*). А для кого? (*Успокаиваясь*). Вы столкнулись с законом бытия: дитя уходит в мир. У него начинается новая жизнь. И у вас тоже. И, знаете, она может быть прекрасной. Да, я уверена. Сколько ему? Вот видите. Не то, что моим – три и семь... Ложь, ложь, ложь, ребенок – всегда там, внутри матери... И в двадцать, и в тридцать, и в сорок. Как больно видеть первую морщинку у него в уголке рта. И вотрую на лбу. И на небо она его уносит с собой. Это только кажется, что он остается – в этом холодном, скользком, лгущем городе, в этом сером мире.

... ну что вы, Галя, выход есть всегда. Просто такой, что мы о нем думать не хотим. Невозможно о нем думать...

... Это ошибка. Хуже нет, когда мать старается быть хорошей по глянцевым советам... бред какой... по советам из глянцевого журнала. Вот, так лучше. Стилистически (*смеется, затем пишет*). Мы все плохие матери – и хорошие все. (*Себе*). Я плохая мать.

Папа! Папочка, не молчи! У тебя два внука! Два внука – за одного сына! Не хочешь меня видеть, я спрячусь, съезжусь улиткой, ящеркой уползу в щель, ты же знаешь, я умею – умоляю, заведи их отсюда!

Выходит на авансцену. Отчаянно, сдерживаясь из всех сил.

Прошу репоста. Моей знакомой срочно требуется помощь: надо где-то пожить с детьми (трех и семи лет), пока она не найдет квартиру и не устроится на работу. Дети тихие. Она может помогать по хозяйству. Проживание будет оплачено. Максимальный репост!

Хор.

Перепост.

Перепост.

Лично я чужих людей в дом не пускаю. По жизни.

Лайк.

Перепост.

Самим тесно.

Лайк.

Ну ладно бы одну. А с детьми. Трех лет – это ж дурдом.

Семи – можно подумать, лучше. У меня самого семилетка. Полный атас.

Перепост.

А ты можешь поручиться, что она не наводчица?

Ага, и сиди потом на измене.

Лайк.

Да что это за такая мать? Детей жильем не может обеспечить?

Перепост.

Медея. Я плохая мать, я плохая мать...

Хор. Если логически... старшему семь. Рожают сейчас к тридцатнику. Значит, мамаше как минимум тридцать пять. Маринка! С этой бабой ты реально можешь оказаться в таких дербнях...

Лайк.

Медея смеется.

Хор.

Взяла бы к себе. Раз такая добренькая...

А потому что легко быть добренькой за чужой счет.

Лайк.

Ребята, вы чего, это ж Маринка. Сколько раз она ваши проблемы разруливала!

Перепост.

А ты, как всегда, взываешь к морали. Я плакаль весь.

В чате разруливать – любой дурак может.

Лайк.

Что ж ты не разруливал?

А я не дурак.

Перепост.

Три и семь. Да ведь... Марина, простите, это вы не о себе ли?

Ты что? Маринка, правда?

Перепост.

Перепост.

Обана, так она, типа, про себя?

А хоть и про себя. Ее хоть кто знает в реале? Может, она вообще бот?

Марин, прости. Я не могу. У меня только стало налаживаться. Да, я помню, с твоей помощью. Прости. Он не любит детей.

Плюспицот. Вот и ты влетела.

Что она тебе сделала?

А ничё. Просто обрыдло читать лапшу, что она вам вешает. Будто богиня с небес нисходит, мать ее, в колеснице. Все в говне, а она в шоколаде.

Лайк.

А я вот сочувствую.

Лайк.

Я тоже. От всего сердца. Счас перепощу.

Перепост.

Сочувствуй-сочувствуй. Работать надо было, не у мужа на шее виснуть.

Ну, Галка, ты даешь.

Я правду сказала.

А что ж муж? Объялся груш? Добро пожаловать в клуб.

Что ж вы все злобные такие?

Лайк.

Если в семье не ладится – виноваты оба.

Она же психолог. Сама должна знать. А не на других перекладывать.

Безвыходных ситуаций нет, Марин. Держись. Перепост.

Лайк.

Держись, Марина. Мы с тобой.

За себя говори, я вот например, сама по себе. И психологов этих терпеть не могу.

Лайк.

Медея (*речитативом, трижды*). И мужа нет, и гонят – всё зараз.

Хор.

Никто никогда не знает, что боги готовят смертным.

Они способны на всё: и одарить несметным,

и отобрать последнее, точно за неуплату,

оставив нам только разум, чтоб ощущать утрату.

Медея. Это все не мне. Это Марине. (*Залу*). Что скажете мне, Медее? Сейчас, не то поздно будет. Ну! Ну!

Если выйдет разговор с залом – хорошо. Если нет – то ее последняя реплика.

Я знала, что смолчите. Вы всегда молчали. А я всегда буду... Всегда, повсюду, в разных обличьях, я буду рядом! Среди вас. Бойтесь!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Входит Ясон. Медея бросается к нему.

Ясон. Медея...

Медея. Ты?

Ясон. Я.

Медея. А я тут вспоминала. Вещи собирала, нашла свой дневник. Тех лет еще. Представляешь?

Ясон (*берет в руки тетрадку. Читает*).

Но лицо у него не такое,

И таковы благородство души и наружности прелесть,

Что не пугает меня ни обман, ни забвенье услуги.

Что же я - брата, сестру, и отца, и богов своих брошу?
 Землю родную свою, унесенная по морю ветром?
 Правда, сердит мой отец, и родина, правда, сурова,
 Брат - младенец, сестры совпадают с моими желанья:
 Бог величайший во мне! Я меньше на родине брошу,
 Чем обрету: ... и счастлива буду,
 Милостью Вечных горда, и звезд коснусь головою...
 Нет, Ясона обняв, прижимаясь к возлюбленной груди,
 В дали морские помчусь. С ним рядом бояться не буду.
 Если ж чего забоюсь, - забоюсь лишь за милого мужа.

431 год. До нашей эры.

Медея. Ты же знаешь: не бывает никакой эры... всегда одна и та же.

Ясон. Ты не злишь на меня, Медея. Думаешь, я забыл? Я помню. Как плыли. Как у Кирки отдохали. И Крит помню: лихо ты с тем медным уродом... Выдернула гвоздь – и всех делов. Скапутился. Вся медь из него вытекла.

Медея. Жалко было его, дурачину.

Ясон. Каждый раз диву давался, что ты умеешь убивать. Хотя, конечно, этот... как его... Талас всех бы нас на месте порешил.

Медея. Ну, вы же стояли, как вкопанные. Когда нет выхода – убивает тот, кто не боится. Или та.

Ясон. Но ты не только убивала, ты и врачевала. И отца. И баб этих несчастных. Помнишь, как марсов спасла от змей? Стариков молодыми делала, женщин – красивыми. Ты великий лекарь, Медея. Будь ты женщиной, слава бы по всему миру пошла.

Медея. Я просто смышленная. Хватала, где могла. Чему-то у деда Гелиоса выучилась: солнце, оно лечит. Море заклинать – это от мамы, я ж наполовину ионида. Зелья варить и в войне побеждать – этому у Гекаты. У Клио – славу призывать. У Кирки – миловать. У вас, мужчин, – казнить. А краску для волос — ту, и правда, я придумала: вот женщины и похорошели.

Ясон. И как шли в Иолк по пустыне, и я барана треклятого на себе волок... Мало того, что баран, еще и золотой, тяжеленный, зараза. Тоже помню.

Медея. И я несла. Сына. Все думала: дотерпеть бы, родить в саду Гесперид. Родственницы как никак...

Ясон. Ты давала мне силу – всегда. Ровно столько, сколько надо. Меньше – сгинул бы. Больше – ничтожеством бы себя считал.

Медея. Ты умел ее брать, силу. Ровно столько, сколько надо.

Ясон. Если по совести, так это ты добыла руно...

Медея. А я дивилась, на что тебе эта шкура. Мы по весне ее в реки опускали. Чтобы к ней приставали крупницы золота.

Ясон. Так золота ж, не грязи.

Медея. Грязи тоже. Они друг без друга не живут.

Ясон. Золото отмоеся. И отмоет: вон, и в Иолке, и в Коринфе у знати вся утварь золотая.

Медея. А в Колхиде – плевать. Шкура и шкура.

Ясон. Так уж и шкура. Ты ради руна семью предала и родину, брата убила...

Медея. Я ради тебя семью предала. Родину. Ради тебя брата убила.

Ясон. Я тебя не просил!

Медея. Просил. Плакал. Боялся: прирежут – не там, так здесь, если без руна вернешься. Или засмеют. Не знаю, чего ты больше боялся.

Ясон. Я не плакал.

Медея. У меня в дневнике записано.

Ты был красив, и меня необорно судьба увлекала,
Взглядом похитив мой взгляд, ты приковал его вмиг.
Все почувствовал ты: кто любовь скрывает удачно?
Там сошлись мы, и ты начал коварную речь:
«Радуйся праву губить, — если право такое отрадно,
Но лишь спасенье мое славу умножит твою.
Я заклинаю бедой, от которой ты можешь избавить,
И, помогая, меня сделай твоим навсегда!
Тронули эти слова (да в словах ли все было дело?)
Сердце простое мое; руку дала я тебе,
Слезы твои увидав.

Ясон. Ну, когда это было? 431 год до нашей эры. Сопляк был.

Медея. Я тогда не знала, что мужчины умеют плакать. Все вокруг железные были, каменные. А ты – живой. И эра всегда наша, ты же знаешь...

Ясон. Знаю. Только мы с тобой и знаем, Медея.

Обнимаются.

Медея. Ты же не уйдешь, правда?

Ясон. Уйду, Медея.

Медея. Не уходи. Тут тебя никто не поймет. С полуслова. С полувзгляда. Только я.

Ясон. Эх, дурочка. Все еще думаешь, что это главное.

Медея. Так что? Если не это?

Ясон. То, что здесь мне жить. Сейчас, не в четыреста тридцать первом... Не вчера – завтра. Я буду помнить тебя, Медея. *(Превращается в Яна)*. Ну как, собралась?

Медея. Собираюсь.

Ян. Поторопись.

Медея. Что, не терпится ее сюда привести?

Ян. Не твое дело. В Колхиду подашься?

Медея. Нет. За детей боюсь.

Ян. Разумно. Значит, квартиру подыскала?

Медея. С детьми никто не берет.

Ян. Ну, вопрос детей мы решили. В общем порядке, так сказать.

Медея. Решили? Мы?

Вбегают дети, за ними входят родители Яна. Дети кидаются к Медее.

Старший. Ма, а ты скоро вернешься?

Отец Яна. Скоро, Максимка. Вот съездит дедушку навестить – и вернется. Если не задержится.

Старший. Того дедулю, которого папка победил? Дедулю-дурака?

Мать Яна. Фу! Некрасиво так говорить! Еще раз услышу – рот тебе мылом вымою.

Старший. Не хочу мылом! Я плюваться буду! Мама! Она мне мылом...

Медея. Она шутит. Кто детей обижает, с теми знаешь что бывает?

Старший. Прадед Гелиос живьем сжигает?

Медея. А еще Посейдон топит. А если Медузу-Горгону призвать... На месте изничтожит. Одним взглядом.

Старший. Слыхала, ба? Я Медузу попрошу – она тебя сничтожит.

Мать Яна. Свят, Свят, Свят! Видишь, что твоя бывшая вытворяет? Как детей против сЕмьи настраивает.

Ян. Максим, прекрати. И ты, мама, тоже.

Мать. Еще чего! Я десять лет молчала, а теперь скажу: малахольная ты. Что ни день Господа Бога благодарю: наконец-то съедешь – прочь с глаз моих. Тьфу на тебя. Все нервы измотала.

Ян. Мама, давай хоть простимся по-человечески.

Медея. Я не Марина. Я Медея.

Мать. Имя – и то нелюдское. Чурка. Вша чернявая.

Ян. Мать! Не травмируй мне детей, поняла?

Мать. Это я травмирую? Может, это я им ужасы рассказываю? Как сжигать и топить бабку родную? Да они уж и так наскрозь травмированные.

Отец Яна. Мать, слышь. Оно и вправду лучше потом... Не при малых. (Медее). Мы попрощаться пришли. Денег вот тебе на дорожку...

Медея. Не надо.

Мать (подхватывая). Не хочет – как хочет. Умолять не станем. (Мужу). Самим пригодится – выводок еёний растить. Мы с дедом из них людей сделаем. Нормальных. С ценностями.

Старший. А кто это – выводок?

Медея (Ясону). Ты что? Ей? Детей?

Ян. А ты как думала? Что я тебя с мальцами бомжевать отпущу? Да одной, сама знаешь, и устроиться полегче. А сам я не могу пока что. Меня вот-вот вице-президентом поставят: там такие авдеевы конюшни разгрести!

Медея. Авгиевы.

Старший. Кто это – выводок? Кто это выводок?

Мать. У Яна, между прочим, новая жизнь начинается. Ему ее налаживать надо. Правда, сынка?

Медея. Поздравляю.

Старший. Это я – выводок?

Медея. Ты не выводок. Ты птичка моя певчая, дороженька горная, солнышко веселое.

Младший. А я?

Медея. А ты ручеек ласковый, рыбонька золотая, месяц молодой.

Мать. Вот! С такого дети и балуют. В наркоманию уходят, в алкоголь, в курение...

Ян. Мама...

Мать. Не мамкай! Я уж тридцать с гаком мама! Знаю, как сыновей рОстить. По режиму, с питаньем, со спортом и культурным дОсугом. Не с песнями людоедскими, а с Барто Агнией. С Михалковым Сергеем. Я уж и в ТЮЗ билеты купила.

Старший. Ма, я с ней не хочу, я с тобой хочу.

Младший. И я!

Отец. А на рыбалку хочешь, Степка? Там тоже рыбки. Не золотые, правда, – серебряные. Подо льдом прячутся. Вот придет зима, обуем валенки, кожухи оденем и пойдем с тобой на реку. Баба нам чаю даст в термосе, пирожков спечет с картошкой. Ведерко тебе купим, красное. А? Все белое вокруг – а ведерко красненькое. Красиво. И рыбки в нем прыгают, хвостами бьют. Хочешь? А, Степка?

Младший. Хочу.

Старший. И я! Чтобы красненькое и рыбки. И побольше, чем у него.

Медея. Ты ж со мной хотел, сынок.

Ян. Куда? На вокзал? Не смеди.

Старший (Медее). А ты вернешься – и тоже на рыбалку пойдешь. Я тебе свое ведерко отдам.

Медея. Не люблю мертвых рыб речных. Я морских, веселых, посейдоновых пташек – люблю. Я лучше дома тебя ждать буду.

Мать. И где ж он, твой дом? Там, что ли? Ждут тебя там, не дождутся! Здесь? Извиняюсь! Был дом да сплыл.

Ян. Ты же умная женщина. Ну, сама прикинь. Ни жилья, ни копыя. Что ты им можешь дать? Как мать, подумай.

Медея. (Механически). Ты прав. Я плохая мать.

Ян. Это ты сказала.

Старший. Ты хорошая, хорошая!

Отец. Эй, Максимка... Мы с еще про рыбалку не договорили... Вот придем, значит, домой с уловом, снимем валенки, кожухи сбросим. Баба нам уши сварит, нажарит потрошков... А после ты заснешь ... И придет Дед Мороз.

Старший (плачет). Нет! Не хочу рыбалки! Не хочу с бабой! Не хочу Дедмороза! Я с мамой хочу!

Мать. Вот видишь, до чего дитё довела! Разбалбесила – а нам выправляй! Ну, ничего. Разберемся. Вот только запомни: будешь к ним лезть, родительских прав лишим! ПОНЯЛА? У меня связи давние: сорок лет в торговле – это тебе не хухры-мухры.

Медея. Геката великая, хозяйка ночи, богиня перекрестков, даруй нам легкий путь, а врагам нашим – ядовитые сновиденья и дневной непокой... Геката, Гелиос, Посейдон, Медуза, слышите меня? Слышишь меня, великий черный стозевный Аид?

Мать. Свят, Свят, Свят! Усмири, Госсподи, эту лахудру!

Старший. А чего баба на маму ругается?

Отец. Она шутит, Максимка. Это такая игра. Только взрослая.

Старший. Лахудра – это потому что мама лохматая?

Подбегает к Матери Яна, к Отцу Яна, взлохмачивает всем волосы, себе тоже.

Старший. Мы – лахудры!

Младший (*прыгая*). Лахудры! Лахудры!

Мать. А ну молчать, не то я вам рот с мылом...

Отец (*хлопает в ладоши*). Максимка, Степка! Я вот чего надумал: а, может, собаку заведем. Будет с нами на рыбалку ходить, удочки в зубах носить...

Мать. Ты что, дед, умом тронулся?

Отец (*Матери, тихо, но твердо*). Как сказал – так и будет. Пусть хоть собаке порадутся. Коль уж мамки их лишаем.

Дети. Собаку! Собаку! А когда, деда?

Отец. Да хоть сейчас. Поедем в питомник – и возьмем.

Дети. Сейчас!

Медея. Нет! (*Хватает детей, прижимает к себе*). Я должна их собрать! Вещи упаковать! Жирафа вот...

Дети. Собаку!

Медея. Завтра.

Дети (*орут*). Сегодня!

Медея. Завтра. И собака, и рыбалка, и Дед Мороз, и Макдоналдс, и шарики ...

Страший. И динозавр?

Медея. Да, конечно.

Старший. И планшет?

Медея. И планшет. (*Отцу Яна*).

Дай день один мне сроку: не решила,

Куда идти еще я, а детей

Кто ж без меня устроит? Выше этих

Забот Ясон.

О, сжался, царь, и ты

Детей ласкал. Тебе знакомо чувство,

Которое в нас будит слабый. Мне

Изгнание не страшно... Если плачу,
То лишь над их несчастьем, Креонт.

Отец. Я не рожден тираном. Сколько раз
Меня уже губила эта жалость.
Вот и теперь я знаю, что не прав,
Все ж будь по-твоему.

Завтра – так завтра. На свежую голову, так сказать...

Мать. Ты чего, отец? Оставишь их у этой?

Ян. Мама, уймись. Завтра я с утра заеду, доставлю их в лучшем виде.

Мать. Я уж и борща на всех наварила.

Отец. Не спортится твой борщ. Завтра еще вкуснее будет. Дайте деду бусю. И бабе дайте. Пошли, мать.

Целуются. Мать выходит.

(Задерживается). И вот еще... Спасибо за отвар. Я добро помню. И ты не поминай лихом. Эх... *(Выходит).*

Ян (детям). Ведите себя хорошо. Слушайтесь маму. Помогите ей собраться. И завтра в девять тридцать, чтоб мне готовые, как штык.

Старший. Как штыки! Нас два штыка!

Ян. Значит, как два штыка. А ну налетай обниматься-штыковаться!

Обнимаются.

Прощай, Медея!

Медея. Прощай, Ясон!

Ян уходит.

(смеется) О, слепец!..

В руках держать решенье - и оставить
На целый день...

Дети, ужинать!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Медея и Хор. Дети в полусне у нее на коленях, завернутые в тряпку.

Хор.

Ты отчизну, Медея, бросила страсти ради.

Лодка с гребцами тебя понесла к Элладе,

точно гребень ныряя в густые пряди.

Знать бы тогда, куда греки плыли!

Симплегады бы ихний грецкий орех сдавили!

Но не дано наперёд скалам и смертным знанья.

Что впереди теперь? Отчаянные стенанья,
опустевшее ложе и горький позор изгнанья.

Медея. А ну, не выть! По углам! Я сказала: по углам!

Хор расходится по углам.

(Залу). А вас и на вой не хватает, тихони! Зато завтра... О, я знаю, что будет. Взвосте! Завопите, завизжите! Раскалятся ваши айфоны. Разрядятся планшеты. Трафик зашкалит. (Смеется). Я, Медея, осчастливорю вас! Ваша жизнь преисполнится гневом, скандалом, сплетней – а что вам еще надо? Но радость ваша будет недолгой – миг, день, два. Ай-ай-ай... Зато уж этот миг, этот день, эти два – ваши. Может, так оно и лучше? Вы ж не умеете долго. Ни радоваться, не ужасаться! Ни мстить, ни любить! Вам дачи закрывать на зиму. Банки катать. В Турцию – с красными браслетами, всё включено, и все фоткаем, чииз! Жировка, пенсия, проезд.

Самое жуткое для вас – вечность. Вам миги подавай – один другого пошлей, подлей, страшней. Клик, клик, клик. Лайк, лайк, лайк. Только одно условие. Чтоб не с вами. Чтобы с кем-то другим.

Скоро, совсем скоро вы затоскуете – и станете ждать новенького. Вдруг кто кого порешит. Лучше – ребенка. Родит – и в мусоропровод! Утопит. Прирежет. Или из окна. Вновь встрепенетесь, ноздри раздуете! Трафик, айфоны, планшеты... На два дня. В краю, где все друг дружке троюродные, вести быстры и непрочны. А вот я, и правда, все знаю. Всех могу назвать. Кто сукой назовет. Кто скажет: больная. Кто заорет: вышку ей, вышку! Кто пойдет гуглить “Синдром Медей”! И кто пожалеет – тоже знаю. Вы-то и есть худшие, с вашей трусливой добротой!

Глупый Креонт... оставил мне целую ночь! Мне жаль тебя, ты незлобив. Но кто ты? Просто полковник в отставке. Ты скоро умрешь. Некому будет приготовить отвар. А очередь на операцию – пять лет. И тебя, Ясон, жаль. Ты просто мужчина. А дитя – царь.

О, дети, дайте руки,
Я их к губам прижать хочу... Рука
Любимая, вы, волосы, вы, губы,
И ты, лицо, какое у царей
Бывает только... Вы найдете счастье
Не здесь, увы! Украдено отцом
Оно у нас... Не будет вам рыбалки
– подледных скользких рыб. И красных ведер.
Овчарки, в конуре оледенелой. И Агнии Барто!
И Михалкова.

Детсада с их лопатками – для снега.
И школы, той, где каждый хил и бледен:
им мылом рот заткнули в день рожденья.

Дети (во сне). А будет перламутр и виноград...

Медея. Ни дачи, ни режима, ни досуга...

Дети (*во сне*). А будет жар от солнца, тени холод,

И Гелиос на желтой колеснице.

И лунная-прелунная Геката

И псы ночные – спутники ее.

Медея. Да. Это будет. Обещаю твердо.

(*Залу*). Ну что? Грызите, срежьте, швыряйтесь камнями, вы, бессловесные – с мылом в зубах!

Хор (*негромко*).

"Дети обречены, и спать идут раньше взрослых".

"Того, что спешит под парусом, не обогнать на вёслах".

"И тёмный ужас, как море, захлёстывающее остров,

детей поглощает первых". "Как следует зная дело,

зло разрушает душу, но начинает с тела".

"И дети обречены". "Да, для детей стемнело".

Медея. (*Презрительно*). Сидите тут. Глядите. А ведь знаете, чем кончится. И я знаю. Как это жутко – знать наперед. Проклятая кровь богов в жилах. Хотите скажу, когда помрете? Каждому! И ручку золотить не надо. Хватило мне золота в жизни. Ну надо же, опять молчат... Как зайки. Ничего, завтра завоюете!

Кладет детей в кресло. Спускается в зал. В зале журналистка и следователь. Провоцирует разговор с публикой.

Медея (*Журналистке*). Ну, и что, по-твоему, мне положено?

Журналистка. Ну... Я, как бы, против смертной казни. Хотя в исключительных случаях...

Медея. А мой – какой?

Журналистка. Исключительный.

Медея (*Следователю*). А ты?

Следователь. Я – человек государственный. Я – как народ скажет...

Медея. Народ! Скажи!

Если никто не заговорит, несколько голосов из зала: "Только смертная казнь", "А я против – пусть гниет в тюрьме", "Ага, и чтоб мы ее там кормили?" Но важно, чтоб разговор состоялся.

Журналистка (*ходит по рядам*). Как вы относитесь к смертной казни?

Здесь дискуссия на несколько минут. Закончить обязательно на подсадке – или на живой реплике "за смертную казнь".

Медея. Так я и думала... И вы хотите, чтоб я оставила их вам? Чтоб они стали вами? Выли по-волчьи. Молчали по-рыбьи. Тявкали – по-пёсьи. А если запищат, то как раненые крысы... В вас ни жара, ни йода. Нет уж! Я их

лучше Гекате отдам. Геката, да не прячься, я чую аромат твоих благовоний. Зря, что ли, премудрости постигала во храме твоём?

Бежит на сцену. Из-за спин Хора выступает фигура в хитоне. На голове – рогатый головной убор, в руках два факела.

Примешь мальчишек моих? Они собак любят. Дозволишь им со своей ночной сворою играть?

Геката кивает.

А как проснется дед мой Гелиос, запряжет колесницу, пристрой их поудобнее, да укутай этой рванью (*снимает с детей тряпку*). В Колхиде она вновь в Руно обратится. Руно – тогда лишь золотое, когда на него молятся. Поздно я поняла. Они тут знаешь как говорят? Лучше поздно, чем никогда. Потому у них всегда все поздно.

Борей, Зефир, Нот и Эвр, берегите детей моих на небе. Дриады, наяды, иониды, храните в теплом океане и холодных горных ручьях. Даруйте им перламутр, жемчуг, ракушки и куриных богов – пусть играют. Дриады, позвольте им лакомиться плодами с деревьев ваших – пусть растут и крепнут. Им царями быть.

Из Хора (или из зала) выступают несколько человек, склоняют головы.

И ты, отец. И ты, Апсирт. Что ж вы прячетесь за спинами челяди! Негоже это царям. Вы всегда приходите. В последний миг, но приходите. Этот и есть последний.

Выходят два мужчины.

Медея. Я возвращаю вам руно. Я отдаю вам детей.

Медея долго смотрит им в лица.

Я тогда думала: любовь все оправдывает, все прощает. Ты не простишь, отец. А ты простишь, брат. У тебя выхода нет. Отведешь в Аид. Станем теньями. Я убийца, ты – убиенный.

Мужчины подходят к детям.

Медея (*обняв детей, речитативом быстро поет*).

Помню, в детской колыбели

я лежала, бабки пели.

Пели песенку про Ино.

Погубила Ино сына.

Но потом сошла с ума,
 в море бросилась сама.
 Море билось, море выло.
 Пятна крови с Ино смыло.
 Сыну с матерью приют,
 волны моря в берег бьют.
 И привычный моря шум
 успокаивает ум,
 подражая колыбельной.
 Ужас, ужас ты предельный!
 Ты у женщины в крови,
 ужас, ужас - плод любви.

А сейчас – берите. И прочь! Мигом! Вот теперь я хорошая мать.

Хор уходит. Мужчины уносят детей. За сценой крики.

Ааааа!

Это чего? Чего это было?

Скорую, вызывайте скорую! Этот дышит, вроде. Или не дышит?

Медея подбегает к желтому треугольнику окна на заднике.

Медея (*обернувшись*). Мальчикам хорошо. Скоро и мне хорошо будет.

Появляется Ада Львовна. В руках тарелка с салфеткой.

Ада Львовна. Мариночка, слышу: гости у вас. Вижу: дверь открыта. Думаю, дай загляну, может, посуды не хватает. Так вот она, тарелочка ваша. И салфеточка... Марина!

Медея. Я – Медея. Я всегда буду Медеей.

Ада Львовна бросается к ней. Схватка. Свет гаснет. Остается четырехугольник, в котором Медея борется с Адой Львовной, пытающейся ее удержать.

Голоса за сценой.

Да это ж баба!

Господи, спаси, Господи, помилуй!

Сука, тварь, разорву! Башку вот об этот самый, бля, асфальт разможжу!

Такие маленькие... такие маленькие... такие маленькие... Аааа!

(*Детский голос*). Мама, гляди! Это же тетя Марина!

Тише, сынок ... Пошли домой.

Алена, успокойся. Алена... Пожалуйста! Посмотри на меня, Алена!
 Вот я, вот ты. Я тебя люблю. Все будет хорошо.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Слева некий деревянный объект, предположительно часть корабля. Справа пластиковый столик и два больничных стула.

Ясон (*один, выходит из-за кулисы слева, с посохом, в хитоне, очень усталый, постаревший, хромой*). Ну, привет, “Арго”. Вот ты где, развалюха. Все про тебя позабыли. Один я помню (*Стучит по деревяшке*). Что ж ты молчишь, додонский дуб? Ты ж, типа, вещий? Зря, что ли, торговались с Афиной? Надула. Боги, они такие... (*колотит по деревяшке*). Говори, паскуда! Тебе положено, ты же оракул! Где она? Где они все?

Справа выходит Галя, садится за стол, вынимает из пакета продукты, контейнер, обернутый в полотенце, там суп. На протяжении следующей сцены будет кормить Медею супом с ложечки.

Ты же видел их! Не мог не видеть! Они летели на колеснице над тобой, и она сказала... Ну, не знаю, что-то вроде: смотрите, дети, а вот на этом корабле ваш папка за Руном плыл. И были с ним кормчий Тифий, и близнецы Кастор и Поллукс, и Линкей остроглазый, и могучий Геракл, и Орфей, усмирявший волны молитвами и кифарой, а на носовых справа сидел внук Зевса Пелей, а слева брат его Теламон. А еще Мопс, прорицавший по лёту птиц, и Еврит, и темный чревовещатель Клитий... Из пятидесяти душ двадцать девять в живых осталось... А сейчас только я.

Входит Медея в пеплосе, завязанном, как смирительная рубашка, садится за стол.

Медея. Из пятидесяти душ двадцать девять в живых осталось...

Галя. Ты покушай, покушай, Мариночка.

Медея. Я – Медея.

Галя. Хорошо, ты главное – кушай.

Медея. Нет, тридцать. Тридцатый в моем животе плыл, в двойных водах качался. (*Глокает суп*).

Галя. Вот и умничка.

Медея. Я – царица.

Галя. А кто ж еще? Конечно, царица.

Ясон. Она должна была сказать! Колхи – они говорливые, а дети – почемучки, вопросами бы забросали, и она б рассказала им... И как победу праздновали. И как Орфея сожрали вакханки, а Мопса укусила змея. И как Цирцея дала нам приют и очистила от скверны... а могла в свиней превратить, на фиг, была и такая история.

Медея. Цирцея... Она злилась сперва. Грозилась: всех вас поубиваю, как ты брата своего... Она ж нам тетя по отцу, Апсирт в ее любимчиках ходил. Я тогда все ей рассказала: как встретила Ясона, как полюбила – и что

не было у нас другого выхода... Понимаешь, не было! И она простила, очистила от скверны и принимала, как богов принимают. У нас так заведено.

Галя. Женщина женщину всегда поймет. Ну, давай еще ложечку за тетку твою, хороший она человек.

Ясон. Молчишь, деревяшка? Ну, молчи-молчи. Храни свои долбаные тайны. А вот я тебе скажу. Глотну, а после скажу... *(Достаёт флягу, пьет)*. Ни фи́га я им не верю. Ни в какой она не в психушке: она тут, над тобой летает с рассветом, она тут, рядом по ночам с Гекатой гуляет, треплются о своем, о женском, а мальчишки со стигийскими псами играют. За одно беспокоюсь – злые они, не покусали бы пацанов.

Медея. Это они с виду жуткие, а так – добрые. Им, знаешь, обрыдло Аид охранять. Куда ни глянь – все Стикс, черный, мерзкий, а они воды не любят. Как малых увидят – так и бегут к ним со всех ног. Лап, в смысле.

Галя. А эту ложечку – за собачек.

Медея. Странно все-таки.

Галя. Что?

Медея. Как смеркается, мы с детьми к Гекате идем, по рощам ее гуляем. А море шумит-шумит. Заснем то в траве, то в храме, то на ложе, дед нас повсюду найдет, озаривши, мы в колесницу прыг, и взлетаем мы высоко-высоко, высоко, дети смеются, и море шумит... только не рядом, внизу...

Галя. Хорошо вам!

Медея. А днем я здесь. В этом странном месте Может, это и есть Аид? Потому и пеплос затянут... ты не знаешь, зачем они его так туго завязывают?

Галя. Синдром Медеи, говорят. Чтоб ты себе не навредила.

Медея. Ты вечно путаешь. Медея – имя, а не синдром.

Ясон *(речь у него заплетается)*. А чего я приперся сюда, посудина? Молчишь... Делаешь вид. А ведь знаешь! Ждешь, чтоб заснул – а ты на меня раз –всей кучей своей дубовой, додонской и обвалишься. Что, удивлен? Забыл, кто жена моя? Она же про рождение и смерть все знала. И про мое тоже. Я к ней тогда пристал, как банный лист: как да когда. Она отнекивалась-отнекивалась, а после как выдаст. Заснешь, мол, под своим “Арго” – он на тебя и обрушится: так вместе и помрете. И никто не узнает, только я, говорит. Была у нас с тобой общая слава, и бесславье общее будет.

Медея. Я бы, конечно, смолчала. Но я ему ни в чем отказать не умела: даже в этом. Понимаешь, я про рождение и смерть все знаю. И когда ты умрешь – тоже знаю. Хочешь – скажу?

Галя. Не хочу! Лучше скажи, кто у меня родится.

Медея. Вот и правильно. У тебя четверо будет.

Галя. Батюшки!

Медея. Два раза по два. Близнецов рожать станешь.

Галя. А скоро?

Медея. Мальчики скоро, а с девчонками подождать придется.

Галя. Вот мы супчик и доели. А теперь котлетку...

Медея. До чего неудачный пеплос: руки все время за спиной, а так бы я тебе волосы покрасила.

Галя. А что не так? Между прочим, мужики млеют..

Медея. Не те млеют. Тот придет, когда я тебя покрашу. Ладно, можешь сама, только, смотри, строго по рецепту. Пиши. *(Галя вынимает ручку)*. Слабый отвар луковой шелухи, две ложки измельченного ревеня, сто грамм чачи... на рынке в киоске колхидском купишь, поллитра яблочного уксуса, пятьдесят грамм меда акации... меда акации... пишешь?

Ясон. Ну, все, вроде. Вот там под акацией прилягу. Там тебе на меня валиться сподручнее будет, правым боком, где Пелей сидел... Любила она акацию. До чего ж холодно, "Арго". Да укрой же меня поскорее своей тушей!

Медея. А на веслах справа Пелей сидел, хороший такой паренек, с образованием, благородного рода... Я б вас сосватала, только умер он уже... А все потому что тебя не дождался. Женился на этой, даром что богиня, лапы, как у молотобойца...

Галя. Надо же. Слушай, а чего они вечно на стервах женятся, тренд, что ли, сейчас такой? ... Так, мед акации... Я записала.

Ясон. Медея!

Треск, грохот. Медея застывает.

Галя. Так что там после акации?

Медея *(медленно)*. После акации... ничего...

Хор *(сходясь из-за кулис)*.

А о тебе что я скажу? Сама
Познаешь ты весь ужас дерзновенья...
Да, наша жизнь лишь тень: не в первый раз
Я в этом убеждаюсь. Не боюсь
Добавить я еще, что, кто считает
Иль мудрецом себя, или глубоко
Проникшим тайну жизни, заслужил
Название безумца. Счастлив смертный
Не может быть.

Медея. Ясон? Ты что? Ты... умер?

Галя. Маринка! Не пугай меня. Мариночка!...

Медея *(кричит)*. Ясон! Ты умер? Умер? А как же мы? Как же я? Дети?

Входят санитары в хламисах, уводят Медею.

Галя. Эй! Котлеты, котлеты не забудьте! Маринка, я послезавтра приду! Слышишь? *(Глядя на лист бумаги)*. Значит так: слабый отвар луковой шелухи, две ложки измельченного ревеня, сто грамм чачи... киоск, яблочного уксуса, пятьдесят грамм меда акации... Ладно, приду – доскажет. Странное имя – Ясон. Где я его слышала?

Уходит. Остается хор.

Френды. Люди, я в шоке!

Это да, у меня тоже последние волосы дыбом.

А что стряслось?

Ссылку в студию, плз.

Перепост.

Перепост.

Перепост.

Соседки. Я ж буквально вчера с ней в подъезде столкнулась. Утром.

Вас, извиняюсь, память подводит. Не могли вы вчера утром, вы вчера утром в поликлинике были.

Могла. Она поднималась, я спускалась, помните, лифт не работал.

Э-э, да лифт вообще третьего дня не работал.

А я думала: вчера.

Вчера это я с ней столкнулась. Возле магазина.

И что?

Говорю: здравствуйте, Танечка.

А она?

Поздоровалась. Улыбнулась. Она вежливая девочка была.

С детьми в магазин ходила?

Не. Одна. Не буду врать.

Интересно, где дети были.

Какая разница: где были, где не были. Все равно уж. Ни ее, ни детей.

Ой, горе-то какое... Бедный Гена. Бедные родители.

Френды. Жуть! Такая куколка, а детки вообще мимими... И муж обеспеченный. Только что с Тая вернулись – она такие крутые сэлфи постила. А позавчера такое классное видео. Где гиена за медвежонком гонится, а тот на нее – рычать! Помните?

Может, это она намекала? В смысле: она гиена, а дети – медвежата.

А мне она не нравилась. Пустенькая. Сплошные котэ.

Все равно жалко.

Ты в уме? Она двух детей утопила, а тебе ее жалко...

Так она же потом повесилась!

И пусть бы вешалась на здоровье, а детям за что?

А сколько им, детям?

Девочке четыре, мальчику годик.

Господибоже, такую кроху не пожалела.

Она как родила – сразу на фитнес. За три месяца форму вернула. Помнишь фото, где она в стрингах и топless?

Ужас. Улетела крыша – и детей прихватила.

Нет слов.

Ага. Одни буквы.

Танька... Не могу поверить. Такая милая, добрая, вечно всех жалела. Котиков, собачек. Тебе грустно – она картинку пришлет красивую. Или просто напишет: “Держи хвост трубой!”

Еще одна нашлась эту тварь жалеть.

Ну, может, она больная. Послеродовая депрессия. Или как это?

Синдром Медеи.

Медеи? Не слышал. Счас прогуглю.

Хор (*покидая сцену*)

Многоязыки боги, но с ними не договориться.

Не подступиться к ним, и от них не скрыться:

боги не различают между дурными снами

и нестерпимой явью.

И связываются с нами!

30 марта 2016